

И. И. СМЕРНОВ

ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА ВАСИЛИЯ III

Одним из важнейших моментов в процессе создания Русского национального государства была борьба против татарского ига. Падение татарского ига (1480) и распад Золотой Орды не сняли вопроса о борьбе Русского государства с татарами. Система татарских государств, возникших на базе Золотой Орды в XV в., сохраняла актуальность восточного вопроса для политики московских государей. Новое здесь заключалось лишь в том, что место Золотой Орды, главного противника Русского государства на Востоке, заняло Казанское ханство — наиболее мощное татарское государство второй половины XV в., к тому же непосредственный сосед Русского государства.

Уже Иван III уделял больше внимания казанским делам, чем золотоордынским отношениям. Ему же, в итоге ряда походов, удалось (в 1487 г.) добиться большого внешнеполитического успеха, поставив Казанское ханство в положение зависимого от России государства и установив фактически «протекторат» московского правительства над Казанью.¹ Внутренняя история Казанского ханства этого времени характеризуется непрекращающейся борьбой отдельных группировок татарских феодалов. Наряду с группировкой блока с Русским государством крупной политической силой являлась группировка, ориентированная на Крымское ханство и Турцию, как силы, способные оказать мощную поддержку Казани в ее борьбе с Россией и укрепить позиции Казанского ханства, претендовавшего на политическую гегемонию в Поволжье.

¹ Источники позволяют довольно точно выяснить характер зависимости Мухаммед-Эмина от Ивана III. Воскресенская и Никоновская летописи употребляют формулу: «князь великий... царя Махметь Аминя из своей руки посадил на царство в Казани» (ПСРЛ, т. VIII, стр. 217; т. XII, стр. 219). Содержание этой формулы помогает раскрыть Архангелогородский летописец, сообщающий очень важное известие о формальном признании Мухаммед-Эмином своей вассальной зависимости от Ивана III: «...Из Казани прибежал к великому князю Ивану Васильевичю царь Махмедемин от брата своего от царя Аляхама, да бил челом великому князю, а назвал себе его великого князя отцом, а просил у него силы на брата своего на Аляхама царя казанского, и князь великий силу рек ему дати» (Летописец, содержащий в себе Русскую историю от 6360 (852) до 7106 (1598) года, М., 1819, стр. 193). «Битье челом» и признание «отцом» — формулы русского феодального права, в которых выражалась вассальная зависимость. В соответствии с этим Архангелогородский летописец откровенно сообщает, что «воеводы великого князя... по наказу великого князя посадили на Казани царя Махмедемина» (там же, стр. 194). Казанский летописец употребляет еще более определенную формулу: «Посади на Казани великий князь Иван Васильевич *служащего своего царя Махметемина*» (ПСРЛ, т. XIX, стр. 22; ср. стр. 227, где дан вариант: «служилого своего царя»).

Герберштейн подтверждает русские источники своим сообщением, что Иван III «ставил по своей воле царей в Казани» (С. Герберштейн. Записки о московских делах, 1908, стр. 15).

Эта внутренняя борьба делала чрезвычайно неустойчивым политическое положение в Казани, и история последних десятилетий существования Казанского ханства представляет собой непрерывную цепь следующих один за другим государственных переворотов и политических конфликтов. Острота политического кризиса Казанского ханства усиливалась тем обстоятельством, что непрочность политического строя соответствовала непрочности государственной территории Казанского ханства. Народы Казанского ханства, испытывавшие наряду с социальным гнетом и гнетом национальный со стороны правящих классов господствующей национальности — татарских феодалов, ослабляли тыл Казанского ханства, делая реальной угрозой не только отпадения от Казани подвластных народов, но и активной борьбы этих народов против Казанского ханства.

90-е годы XV в. характеризуются обострением внутривосточной борьбы в Казани. Очень трудно угадать социальные корни феодальных группировок в Казани. Попытку объяснить наличие политических группировок в Казанском ханстве исходя из «торговых интересов» («обе партии были торговыми, и одна из них была связана с русским рынком, а другая с восточным») ² надо признать порочной в самой основе как типичное проявление теории торгового капитализма М. Н. Покровского и его «школы». Она ошибочна по существу, ибо трактует казанских феодалов как представителей «торгового капитала». Она не имеет под собой никакой фактической базы (за исключением ссылки на заявление ногайского князя Юсуфа, мотивировавшего в 1553 г. свой союз с Иваном IV выгодами от торговли с Русским государством). ³ Правильнее поэтому рассматривать внутривосточную борьбу в Казани как типичное проявление феодальных усобиц, как борьбу феодальных родов за власть, причем эта борьба осложнялась тем, что внутривосточные группировки использовались соседними с Казанью государствами — Русским государством, Крымом, шибанскими ханами — для облегчения осуществления своих внешнеполитических планов. С другой стороны, сами эти группировки пытались укрепить свои позиции в борьбе за власть при помощи блокирования с тем или иным соседним с Казанью государством, рассчитывая облегчить себе приход к власти при помощи внешней силы.

Лишь в последний период существования Казанского ханства (с конца 40-х годов XVI в.) можно прощупать изменение природы казанских политических группировок. Именно активную борьбу против Русского государства возглавляет феодальная аристократия, все более и более теряющая свои опорные точки внутри Казанского ханства и одновременно усиливающая степень своей зависимости от Крыма и ногайцев. Напротив, «казанцы меньшие», под которыми летопись подразумевает более широкие слои — прежде всего, городского населения Казани, — ведя активную борьбу против «вельмож» и «крымцев», выступают сторонниками соглашения с Русским государством.

С особой силой политическая борьба в Казани вспыхивает в 1496 г. События этого года дают возможность наглядно проследить характер и методы борьбы за власть в Казанском ханстве. Борьбу против Мухаммед-Эмина возглавляет группа князей во главе с князем Калиметом, организовавших заговор против казанского хана и завязавших сношения с шибанским ханом Мамуком. Поход Мамука на Казань за-

² М. Худяков. Очерки по истории Казанского ханства, Казань, 1923, стр. 220, 221.

³ Продолжение древней русской Вивлиофики, т. IX, стр. 103.

ставил Мухаммед-Эмина обратиться за помощью к Ивану III. Посылка в Казань русских воевод имела своим результатом бегство заговорщиков к Мамуку и уход шибанского хана «во-свояси». Но это было лишь временное затишье, и когда воевода Ивана III князь С. И. Ряполовский был «отпущен» Мухаммед-Эмином из Казани и ушел «с всею силою к Москве», Мамук вновь оказывается под Казанью, «с многою силою нагайскою и с князи казанскими». Источники прямо объясняют вторичный приход Мамука тем, что «в Казани измена бысть над царем Магамед-Аминям и вести к Мамуку ис Казани присылаху». ⁴ В результате Мухаммед-Эмин был «согнан» Мамуком с Казани, «по слову с казанскими князи», ⁵ и бежал в Москву. Бегство Мухаммед-Эмина из Казани вызывает новую вспышку борьбы, на этот раз уже между бывшими союзниками — Мамуком и казанскими князьями. Князь Калимет вместе с другими князьями был «пойман» Мамуком, одновременно пограбившим в Казани «гостей и земских людей». Вынужденный вскоре освободить казанских князей, Мамук, в свою очередь, подвергается атаке с их стороны. Воспользовавшись походом Мамука на арских князей, «...князи Казанские отъехаша от Мамука в Казань и град окрепиша, и царя Мамука в град не пустиша, а измену на него въложиша, что их князей имал, а гостей и земских людей побил». Разрыв с Мамуком имел своим последствием новый политический шаг со стороны князей, на первый взгляд трудно объяснимый, именно — обращение к Ивану III и посылку в Москву специального посла «бити челом от них и от всей земли, чтобы их князь велики пожаловал, а нелюбки им и вины их отдал». Свое согласие на урегулирование отношений с московским великим князем казанские князья обусловили требованием невозвращения в Казань Мухаммед-Эмина, «занеже от него было великое насилие и бесчестие катунам нашим, и за то есмь ему изменили и прочь от него к Мамуку отъехали». Это требование было принято Иваном III, и в мае 1497 г. на казанский престол был посажен брат Мухаммед-Эмина — Абдул-Латыф, причем воеводы Ивана III «к шерти приведоша всех князей казанских и уланов и земских людей, по их вере, за великого князя». ⁶

События 1496—1497 гг. чрезвычайно много дают для понимания характера политической борьбы в Казани. Заговор Калимета имел целью захват этой группировкой казанских феодалов власти в свои руки и устранение негодного хана. Поддержка Мухаммед-Эмина Русским государством заставила Калимета и его группу искать другую внешнюю силу, которая могла бы быть использована в их борьбе за власть. Этой силой явился враждебный Русскому государству шибанский хан. Но в расчеты князей вовсе не входила передача Мамуку власти в Казани, и когда Мамук стал проявлять тенденцию к распоряжению делами в Казани, Калимет и его сторонники резко меняют свою позицию, начиная борьбу против Мамука и одновременно завязывая сношения с Русским государством, с целью теперь уже добиться прихода к власти на путях соглашения с Иваном III и при его поддержке. Этот маневр увенчался успехом в полной мере, и в правление Абдул-Латыфа князь Калимет стоял фактически во главе казанского правительства, как это можно заключить из исключительно ценного сообщения Архангелогородского летописца об обстоятельствах низложения в 1502 г. Абдул-Латыфа и восстановления на казанском престоле Мухаммед-Эмина.

⁴ ПСРЛ, т. VIII, стр. 231—232.

⁵ П. Миллюков. Древнейшая разрядная книга официальной редакции. М., 1901, стр. 23.

⁶ ПСРЛ, т. VIII, стр. 232.

В отличие от официального рассказа Воскресенской и Никоновской летописей, кратко сообщающих о том, что великий князь «велел поимати царя казанского Абдыллетифа за его неправду», ⁷ Архангелогородский летописец дает материал, позволяющий разобраться в подоплеке событий, закончившихся низложением Абдул-Латыфа. Оказывается, что свержению Абдул-Латыфа предшествовали переговоры между правительством Ивана III и казанскими князьями, причем для переговоров в Москву ездил не кто иной, как князь Калимет. Именно князю Калимету велел Иван III «поимати» Абдул-Латыфа, что и было сделано Калиметом: «он же приехав с Москвы от великого князя... царя Аблетейма поимал, да сковав в железа, к Москве послал». ⁸ Таким образом, в событиях 1502 г. князь Калимет выступает как представитель и глава правящих кругов Казанского ханства. Политический смысл поездки Калимета в Москву и его переговоров с Иваном III становится еще яснее, если учесть позицию самого Ивана III в вопросе об Абдул-Латыфе. Позиция эта отчетливо вырисовывается из официального заявления, сделанного московским послом в Крыму Менгли-Гирею в связи с низложением Абдул-Латыфа: «Великий князь его пожаловал, посадил на Казани, а он ему начал лгать, ни в каких делах управы не чинил, да и до земли Казанской стал быть лих». ⁹ Таким образом, Абдул-Латыф вызывал недовольство и со стороны Ивана III и со стороны казанцев. Последнее обстоятельство и дало возможность правительству Ивана III разрешить конфликт с Казанью, не прибегая к вооруженной силе. Переговоры с князем Калиметом закончились, очевидно, соглашением между ним и Иваном III о низложении Абдул-Латыфа и замене его Мухаммед-Эмином, что и было осуществлено Калиметом.

Таким образом, события 1496—1497 гг. и их продолжение в 1502 г. выявляют силу казанской феодальной знати, фактически держащей власть в своих руках; с другой стороны, в этих событиях отчетливо проявляется стремление правительства Ивана III использовать внутреннюю борьбу в Казани для укрепления позиций Русского государства, причем метод проведения политики Ивана III в Казани заключается в поддержке одной из борющихся групп и в удалении враждебно настроенных по отношению к Русскому государству казанских ханов, с заменой их промосковскими кандидатами.

Вторичное правление Мухаммед-Эмина с самого начала выявляет антимосковские тенденции в политике этого хана. Свое правление Мухаммед-Эмин начинает с казни князя Калимета, причем из известия Архангелогородского летописца, сообщающего о казни Калимета, можно заключить, что князь Калимет был казнен как глава группировки, ориентированной на союз с Иваном III, так как именно с казнью Калимета летописец связывает «гнев» ¹⁰ на Ивана III у Мухаммед-Эмина. Такая политика Мухаммед-Эмина неизбежно должна была привести к открытому столкновению с Русским государством. В 1505 г. Мухаммед-Эмин предъявляет какие-то политические требования к Ивану III в особой грамоте «о неких делех», как называют ее официальные своды, подчеркивая этим оскорбительный для Русского государства характер грамоты. Резкий отказ Ивана III, потребовавшего «по своему крепкому слову», чтобы казанский хан «тем речем всем не потакал», ¹¹ и послав-

⁷ ПСРЛ, т. VIII, стр. 255.

⁸ Летописец, содержащий в себе Российскую историю, стр. 208.

⁹ С. Соловьев. История России, кн. 1, стб. 1420.

¹⁰ Летописец, содержащий в себе Российскую историю, стр. 208.

¹¹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 245.

шего в Казань специального посла, ускорил назревание конфликта. Мухаммед-Эмин решается на разрыв с Русским государством и начинает открытую борьбу — захватом и избиванием русских купцов на ярмарке в Казани в 1505 г. и походом на Нижний-Новгород осенью того же года.

Война с Казанью, продолжавшаяся два года, была неудачна для Русского государства. Казанцам удалось разбить русское войско, посланное Василием III на Казань.¹² Военные неудачи сразу же сказались на международном положении Русского государства, активизировав враждебные ему силы. В начале 1507 г. правительство Василия III оказалось перед фактом угрозы новой войны с Литвой, при активной поддержке последней крымским ханом Менгли-Гиреем и при попытках со стороны Литвы втянуть в антимосковскую коалицию также и Ливонию. Сохранившаяся дипломатическая переписка Сигизмунда I свидетельствует об исключительной активности его в организации войны против Русского государства. Специальным послом от Литвы в Крым в начале 1507 г. была дана инструкция требовать, чтобы Менгли-Гирей učinил «помочь» «на великого князя Московского».¹³ Одновременно посылается посольство к главе Ливонского ордена Плеттенбергу с предложением выступить совместно против Русского государства, в соответствии с договором, заключенным между Плеттенбергом и Литовским великим князем о союзе против «неприятеля нашего великого князя московского».¹⁴ 2 февраля 1507 г. Виленский сейм принимает решение о войне против Русского государства и о сборе в кратчайший срок войска, «абы неприятель господарский, вслышавши то, иж господарь наш хочет с ним валку почати и своего под ним доставати, не впередил втянути в паньство его милости».¹⁵

Мухаммед-Эмин, в свою очередь, добивается военного союза с Литвой, и казанский посол заключает с Сигизмундом I соглашение, «абыхмо посполу с ним на неприятеля нашего за-один были».¹⁶ В марте 1507 г. в Москву было послано специальное посольство, предъявившее правительству Василия III требование о возврате Литве завоеванных Иваном III городов, открыто угрожая в противном случае войной.¹⁷ Неизбежность войны с Литвой заставила правительство Василия III стать на путь достижения соглашения с Мухаммед-Эмином. Еще С. М. Соловьев обратил внимание на связь между приездом литовского посоль-

¹² Ход военных действий в войне 1505—1507 гг. между Русским государством и Казанью в источниках излагается довольно сбивчиво. Летописи говорят лишь об одном походе русских войск на Казань, в 1506 г., под начальством брата Василия III, кн. Дмитрия Ивановича Жилки, закончившемся поражением русских войск (ПСРЛ, т. VIII, стр. 246; т. XIII, стр. 3—4; т. XIX, стр. 26—27; Архангелогородский летописец, стр. 211). В разрядных книгах, однако, упоминается еще о посылке в Муром «по казанским вестям» воевод в 1506 г. (П. Милуков. Указ. соч., стр. 35; В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах, т. I, СПб., 1863, стр. 202). Наконец, в статейном списке посольства Сигизмунда I к Плеттенбергу в 1507 г. говорится: «Который же царь Казанский чотыри кроть войско его (Василия III.—И. С.) того лета побил, а потом брата князя великого московского с пятмадесятьми тысячей людей на голову поразил, одва сам головою втечи мог; который же и теперь без престани землю неприятеля нашего казит» (Акты Западной России, т. II, № 15).

¹³ АЗР, т. II, № 11. Результатом этого посольства, повидимому, явилась посылка Менгли-Гиреем «великих послов» в Вильно с заявлением о том, что «сее весны мають люди его тягнути в землю великого князя московского, к помочи нам» (АЗР, т. II, № 15).

¹⁴ АЗР, т. II, № 15.

¹⁵ Там же, № 12.

¹⁶ Там же, № 15.

¹⁷ Там же, № 16. Посольство должно было также вести секретные переговоры с братом Василия III, кн. Юрием Ивановичем, о борьбе против Василия III (там же, № 19).

ства и решением правительства Василия III о мире с Казанью: «Литовские послы приехали 21 марта, а 25-го великий князь уже отправил назад казанского посла с ответом, что согласен на мир при известных условиях».¹⁸ Соловьев истолковал отмеченный им факт¹⁹ как доказательство неудачи военных планов Сигизмунда: «И Сигизмунд, подобно Александру, обманулся в надежде на благоприятное время для войны с Москвою: прежде его послов явились к великому князю послы из Казани с просьбою о мире».²⁰ Я думаю, однако, что четырехдневный промежуток между приездом литовских послов и отъездом в Казань послов Мухаммед-Эмина с ответом о согласии Василия III говорит совсем о другом. Правительство Василия III вынуждено было пойти на мир с Казанью после того, как для него стала ясной позиция Литвы. Ибо согласие на мир со стороны правительства Василия III означало фактически признание того положения вещей, которое было создано в Казани после 1505 г. Дипломатическая формула мира между Василием III и Мухаммед-Эмином определяла его как «мир по старине»,²¹ как было при Иване III, но фактически во время правления Мухаммед-Эмина вряд ли можно говорить о зависимых отношениях Казанского ханства к Русскому государству. Именно так характеризует этот период русско-казанских отношений и Герберштейн, который прямо говорит, что при Мухаммед-Эмине «казанцы отложились от государя московского», и указывает при этом, что «за этим отложением последовали многие войны, и государи, замешавшиеся в эту войну, сражались с той и другой стороны долго и с переменным счастьем, и конца войне нет еще и поныне».²²

Вплоть до начала 20-х годов XVI в. главное место во внешней политике Русского государства занимают литовские и крымские отношения. В казанском же вопросе правительство Василия III не проявляет активности, довольствуясь лишь формальными обязательствами со стороны правительства Мухаммед-Эмина о «вечном мире» с Русским государством²³ и проводя мероприятия оборонительного характера.²⁴

Новый этап в русско-казанских отношениях открывают события, связанные с болезнью и смертью Мухаммед-Эмина. Болезнь Мухаммед-Эмина, не имевшего детей, выдвинула вопрос о его наследнике и преемнике в Казани. Но личность нового казанского хана предreshала вопрос о политической ориентации Казанского ханства, или, говоря точнее, вопрос о том, кто будет новым ханом в Казани, зависел от победы как борющихся группировок внутри Казанского ханства, так и внешних сил, прежде всего Русского государства и Крымского ханства.

Борьба началась в форме дипломатической, причем источники²⁵

¹⁸ С. Соловьев. История России, кн. I, стб. 1586, примечание.

¹⁹ Даты приезда литовских послов и отъезда казанских послов сообщает Никоновская летопись (ПСРЛ, т. XIII, стр. 5). Следует заметить, что в тексте Никоновской летописи известие о приезде посла из Казани помещено после известия о приезде литовских послов, однако без точной даты («стоя же зимы, марта...»). Все же вероятнее думать, что посол от Мухаммед-Эмина прибыл в Москву еще до литовских послов, так как в противном случае надо было бы допустить, что казанский посол пробыл в Москве всего четыре дня, что мало вероятно.

²⁰ С. Соловьев. История России, кн. I, стб. 1586.

²¹ ПСРЛ, т. XIII, стр. 5.

²² С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 146.

²³ Присылка в 1512 г. Мухаммед-Эмином посла в Москву с заверениями «в вечном миру и в дружбе и в любви» (ПСРЛ, т. XIII, стр. 14—15).

²⁴ Строительство каменного кремля в Нижнем-Новгороде.

²⁵ Важнейшим источником для изучения русско-крымских и русско-казанских отношений, а также и крымско-казанских отношений времени Василия III являются «Крымские» и «Турецкие дела», опубликованные в томе 95 сборника Русского исторического общества, имеющие несомненные преимущества перед летописным рассказом.

позволяют подробно ознакомиться с двумя составными моментами в этой борьбе — с русско-крымскими отношениями и русско-казанскими отношениями и содержат значительно меньше данных о крымско-казанских отношениях. Позиции участников борьбы выяснились уже на первом ее этапе, в 1516 г. И Мухаммед-Эмин и поддерживавшие его «князи казанские» стремились получить в качестве преемника Мухаммед-Эмина его брата Абдул-Латыфа,²⁶ находившегося в Русском государстве и содержащегося «в нятстве». В случае если бы удалось добиться провозглашения Абдул-Латыфа казанским ханом, это означало бы сохранение прежних взаимоотношений между Казанью и Русским государством. Но именно это предreshало отрицательную позицию правительства Василия III в вопросе о кандидатуре Абдул-Латыфа.

Положение сильно осложнилось вследствие того, что кандидатуру Абдул-Латыфа усиленно поддерживал Крым. Такая позиция Крымского ханства объясняется как династическими связями Мухаммед-Эмина и Абдул-Латыфа с домом Гиреев через царицу Нур-Салтан,²⁷ так и, прежде всего, политическими причинами, ибо возведение Абдул-Латыфа на казанский престол означало упрочение в Казани крымского влияния и дальнейшее ослабление позиций Русского государства. Однако, несмотря на столь острые противоречия в казанском вопросе, ни Русское государство, ни Крым не могли в данный момент пойти по пути разрешения этих противоречий силой. Война с Литвой диктовала правительству Василия III целесообразность использования в этой борьбе сил Крымского ханства. С другой стороны, враждебные отношения между Крымом и Астраханским ханством и стремление Мухаммед-Гирея подчинить его своему влиянию заставляли правительство Мухаммед-Гирея добиваться поддержки в астраханском вопросе правительства Василия III.

Дипломатическая борьба по вопросу о преемнике Мухаммед-Эмина, продолжавшаяся свыше двух лет (1516—1518), закончилась победой Русского государства. Ведя одновременно переговоры и с Казанью и с Крымом, правительство Василия III умело лавировало в вопросе об Абдул-Латыфе, стремясь затягивать переговоры, не отказываясь прямо от отпуска Абдул-Латыфа в Казань, но и не отпускавая его туда. При этом в переговорах с представителями Казани правительство Василия III главное внимание уделяло выработке условий, которые должны были определять взаимоотношения Русского государства и Казани в случае воцарения там Абдул-Латыфа.

Реальный смысл этих переговоров заключался в том, что правительство Василия III добивалось согласия представителей Казанского ханства на восстановление контроля Русского государства над Казанью. Никоновская летопись дает представление об этих условиях, излагая их в виде челобитья, с которым обратились к Василию III казанские послы в 1516 г.: «...Магмед-Аминь царь да и вся земля Казанская дадут великому князю правду, какову князь великий похочет, что им без великого князя ведома на Казань царя и царевича никакова не взяти».²⁸ Добившись признания этих условий как со стороны казанских послов в Москве, так и от Мухаммед-Эмина и «всей земли Казанской»²⁹ в Казани, правительство Василия III, дав формальное согласие на кандидатуру Абдул-Латыфа, однако не отпустило его в Казань, а ограничилось лишь освобождением «из нятства» и пожалованием ему города Каширы.

В параллельно ведшихся переговорах с Крымом московские дипломаты придерживались иной тактики. На настойчивые требования Мухаммед-Гирея об отпуске Абдул-Латыфа в Казань или в Крым правительство Василия III тщательно избегало прямого ответа, ограничиваясь ссылкой на происходящие переговоры с Казанью по вопросу о кандидатуре Абдул-Латыфа и заверениями, что «как меж нас с братом нашим с Магмед-Амином царем и со всею Казанскою землею то дело сделаетца, ино то тебе брату нашему ведомо будет».³⁰ Стремление правительства Василия III сохранить свободу рук и не связывать себя в отношениях с Крымом сколько-нибудь определенными обязательствами по вопросу об Абдул-Латыфе с особой яркостью выступает в грамоте Василия III Мухаммед-Гирею (от 21 июня 1517 г.) с сообщением о результатах переговоров с Казанью. Сообщив со всеми подробностями о пожаловании Абдул-Латыфу Каширы, Василий III по основному вопросу — об отпуске Абдул-Латыфа в Казань — ограничивается лишь указанием на то, что представители Казани просили его «Абдыл-Латыфа царя в Казань отпустить. И мы с братом своим с Магмед-Амином царем и со всею землею Казанскою то дело *делали*». Но сославшись на переговоры, Василий III ни слова не говорит о результатах переговоров, обещая лишь сообщить об этом будущему послу из Крыма в Москву: «А как есмь *то дело* с братом своим с Магмед-Амином царем *сделали* и со всею землею Казанскою, и как ож даст бог будет у нас твой ближней человек Аппак князь и Магмед-паша Халилев сын, и мы к тебе о том деле откажем подлинно с твоим ближним человеком с Аппаком князем и с Магмед-пашою с Халилевым сыном».³¹

Таким образом, даже если правительство Василия III и дало согласие на кандидатуру Абдул-Латыфа в качестве преемника Мухаммед-Эмина,³² то оно тщательно избегало фиксации этого согласия в документах, наличие которых могло бы дать основания требовать выполнения этого обязательства московского правительства.

Смерть Абдул-Латыфа в ноябре 1517 г. сняла вопрос о его кандидатуре в казанские ханы. Есть основания предполагать насильственный характер смерти татарского царя.³³ Как бы то ни было, этим устранялся

³⁰ Сб. РИО, т. 95, стр. 406, ср. стр. 411, 415—416.

³¹ Там же, стр. 460.

³² Условная форма, в которой приходится говорить о согласии правительства Василия III отпустить Абдул-Латыфа в Казань, объясняется неясностью текста Никоновской летописи, в которой содержится рассказ о переговорах с Казанью. Подробно излагая содержание обязательств, данных Казанью, летопись ничего не говорит об обязательствах Василия III, ограничиваясь лишь следующим текстом: «И князь великий для Магмед-Аминя царя пожаловал брата его Абдыл-Латыфа царя, из нятства выпустил, и опалу свою ему и гнев отдал, и пожаловал его, дал ему город Каширу в своей земли» (ПСРЛ, т. XIII, стр. 25). В ясной форме о согласии правительства Василия III на отпуск Абдул-Латыфа в Казань говорится лишь в документах, относящихся уже ко времени после смерти Абдул-Латыфа, когда вопрос этот уже потерял политическое значение (см., например, Сб. РИО, т. 95, стр. 488).

³³ Во всяком случае московское правительство с подозрительным усердием доказывало, что смерть царя произошла «от бога», и считало необходимым сослаться даже на свидетелей болезни и смерти Абдул-Латыфа. Так, в грамоте царице Нур-Салтан, датированной 30 ноября 1517 г., Василий III писал: «Что в нас был сын твой, брат наш Абдыл-Латыф царь, и мы его хотели в Казань отпустить, и приехал был к нам по него от брата нашего от Магмед-Аминя царя посол его Шаусейн сеит, ино по грехом на Абдыл-Латыфа царя болезнь пришла, и божиа воля сталась, по грехом его в животе не стало, ино то, царица, есталось от бога... А что болезнь была Абдыл-Латыфова царева и как его в животе не стало, и то видел твой человек Бетей» (Сб. РИО, т. 95, стр. 488). Итак, Абдул-Латыф умер как раз в тот момент, когда перед московским правительством вставал вопрос о реализации своего обещания отпустить его в Казань. Бросается в глаза и чрезмерный лаконизм Никоновской летописи, ограничивающейся одной фразой, что «Абдыл-Латыфа царя в животе не стало» (ПСРЛ, т. XIII, стр. 28).

²⁶ Сб. РИО, т. 95, стр. 377, 378, 386, 388—389, 395 и др.

²⁷ С. Герберштейн. Указ, соч., стр. 145—146.

²⁸ ПСРЛ, т. XIII, стр. 25.

²⁹ Там же.

наиболее опасный для Русского государства вариант разрешения династического вопроса в Казани. Но вместе с тем смерть Абдул-Латыфа еще больше обострила отношения между Русским государством и Крымом. Потерпев неудачу в вопросе об Абдул-Латыфе, Мухаммед-Гирей открыто начинает готовиться к разрешению казанского вопроса в свою пользу. Новая позиция крымского правительства нашла свое выражение в заявлении, сделанном Василию III от имени Мухаммед-Гирея князем Аппаком через русского посла в Крыму И. Челищева: «Казанский Магмед-Аминь царь, сказывают, болен, и яз брата своего Сагип-Гирея на тот юрт нарядив изготовил; и нечто теперво каково над Магмед-Аминем царем сстанетца, и мы Сагип-Гирея на тот юрт царем учиним, так молвя сдумали; а нечто из инова юрта некто пришед царем ся учинит, ино и ты брат мой князь великий в истоме будешь, и нам будет недоброе имя». ³⁴ Таким образом, Мухаммед-Гирей открыто заявляет притязания на распоряжение судьбами Казани и предрешает вопрос о новом хане, «нарядив» и «изготовив» своего кандидата, лишь ставя в известность о своих решениях Русское государство, подчеркивая в то же время, что всякая попытка посадить в Казань ханом другое лицо кроме Сагип-Гирея будет рассматриваться Крымом как враждебный акт.

Правительство Василия III, в свою очередь, начинает активно готовиться к развязке. В ноябре 1518 г. в Крым отправляется новое посольство князя Ю. Пронского, которому дается секретная инструкция ³⁵ вообще отказываться от обсуждения с крымским правительством казанского вопроса: «А нечто и спросит царь князя Юрья: писал к брату моему к великому князю Аппак-князь, что Магмед-Аминь царь болен, и яз изготовив держу брата своего Сагип-Гирея царевича на тот юрт, и каково сстанетца над Магмед-Аминем царем, и мы на том юрте Сагип-Гирея царем учиним, и брат мой что с тобою о том к нам наказал-ли? И князю Юрию говорити: царь господине, ведаешь сам, что на Казани Магмед-Аминь царь, а со государем нашим в братстве и в дружбе и в докончанье, а ныне, дал бог, здоров. И государь наш, господине, о Казани со мною к тебе не наказал ничего». ³⁶

Отказом от переговоров по вопросу о Казани (демонстративный характер этого отказа подчеркивался заявлением о здоровье Мухаммед-Эмина, безнадежность состояния которого была очевидна) правительство Василия III подчеркивало абсолютную неприемлемость для него крымского плана решения казанского вопроса. Свой собственный план правительство Василия III тщательно скрывало, хотя можно предполагать, что крымское правительство догадывалось о его содержании. ³⁷ Этот план заключался в возведении на казанский престол касимовского царевича Шах-Али (Шигалея). Касимовские цари и царевичи еще с середины XV в. находились в вассальных отношениях к московским великим князьям и являлись послушными проводниками их политики. ³⁸ Поэтому провозглашение казанским ханом представителя касимовской династии означало для правительства Василия III возможность направлять и контролировать политику Казанского ханства. Повидимому, во время пере-

³⁴ Сб. РИО, т. 95, стр. 520.

³⁵ По поводу этой инструкции послам предписывалось: «Ся им память учти до Путивля, а в Путивле им ся память изодрати» (Сб. РИО, т. 95, стр. 597).

³⁶ Там же, стр. 597—598.

³⁷ Крымское правительство настойчиво требовало удаления из города Касимова царевича Шах-Авлиара (отца Шах-Али) и самого Шах-Али (там же, стр. 663).

³⁸ В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах, т. I, стр. 27—28.

говоров об Абдул-Латыфе правительство одновременно подготавливало почву и для своего действительного кандидата. Обязательства, взятые с Казани в 1516 г. («без великого князя ведома на Казань царя и царевича никакова не взяти»), давали правительству Василия III юридические основания для вмешательства в казанские дела. Поэтому, когда в декабре 1518 г. умер Мухаммед-Эмин, в Москву прибыл посол из Казани «з грамотою от сеита и от уланов и от князей и от карачей и от ичек и от мурз и от молн и от шихзод и от всех казанских людей», ³⁹ в которой, в соответствии с договором 1516 г., перед Василием III ставился вопрос о новом государе для Казанского ханства. Посланному в ответ посольству в Казань М. Ю. Захарьина и дьяка И. Телешева было «приказано» заявить от имени Василия III казанцам, «что их великий государь жаловати и беречи хочет, а даеть им на Казань царя Шигалея, Ших-Авлеарова царевичева сына». ⁴⁰ После этого последовала процедура нового посольства из Казани с просьбой об отпуске в Казань Шах-Али и, наконец, отъезд Шах-Али в Казань (в марте 1519 г.) вместе с представителями московского правительства.

Проведя своего кандидата в казанские ханы, правительство Василия III юридически закрепило достигнутую победу заключением с Шах-Али договора «в дружбе и в братстве» и взятием с нового казанского хана «записи», «что ему, будучи в Казани, дело его (Василия III. — И. С.) беречи и неотступну ему быти и со всею Казанскою землею и до своего жывота». Одновременно была взята «запись» с «князей казанских», «что им в Казани у Шигалея царя дела великого князя беречи и неотступным им быти от великого государя и со всею Казанскою землею и до своего жывота, и их детем, ни царя им, ни царевича без великого государя ведома никако не взяти». ⁴¹

Столь крупный успех московского правительства нельзя, конечно, объяснить только искусством московских дипломатов. В проведении своей политики в Казани правительство Василия III несомненно опиралось на сильную политическую группировку внутри самой Казани. Даже сам Мухаммед-Гирей признает (в заявлении от его имени крымского посла к астраханскому хану), что сеид, глава Казанского духовенства, был сторонником Русского государства. ⁴² Не менее ценный материал содержится в Никоновской летописи, где указан состав посольства из Казани, приехавшего бить челом о Шах-Али. В составе посольства, между прочим, был один из знатнейших казанских феодалов — карачи, князь Булат Ширин и другие видные князья. ⁴³ Таким образом, соотношение сил внутри Казани сложилось в пользу Русского государства.

Не менее благоприятной оказалась и внешнеполитическая конъюнктура, помешавшая Крыму выступить против Русского государства в момент смерти Мухаммед-Эмина и лишившая возможности правительство Мухаммед-Гирея осуществить план возведения на казанский престол Сагип-Гирея. Почти в самый момент отъезда Шах-Али в Казань, в марте 1519 г., в Москву прибыло новое посольство из Крыма, во главе с князем Аппаком. ⁴⁴ Правительство Василия III было заранее преду-

³⁹ ПСРЛ, т. XIII, стр. 31.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же, стр. 32.

⁴² Сб. РИО, т. 95, стр. 679; ср. С. Соловьев. История России, кн. I, стб. 1631

⁴³ ПСРЛ, т. XIII, стр. 32.

⁴⁴ В марте 1519 г. (Сб. РИО, т. 95, стр. 631). Точная дата прибытия посольства Аппака в источниках отсутствует, но время приезда определяется сравнительно точно следующим образом. 8 марта 1519 г. в Москве была получена грамота Андреева

преждено о предстоящем приезде посла. Еще в январе 1519 г. оно получило от русского посла из Крыма Андреева сообщение о предстоящем выезде в Москву послов;⁴⁵ тогда же была получена и грамота Мухаммед-Гирея, извещавшая Василия III о предстоящем отъезде послов.⁴⁶ 8 марта 1519 г. правительство Василия III получило новую грамоту от Андреева, уже с дороги, извещавшую о том, что он вместе с крымским послом Аппаком едет в Москву.⁴⁷ В ответ на это письмо правительство Василия III дало инструкцию Андрееву прибыть в Москву «наперед Аппака», что и было выполнено Андреевым, приехавшим в Москву «на подводах».⁴⁸ Столь интенсивная деятельность по подготовке к встрече посольства князя Аппака объясняется желанием правительства Василия III получить как можно скорее от Андреева подробную и точную информацию о положении дел в Крыму и о позиции крымского правительства. Знать обо всем этом правительству Василия III было особенно важно, так как посылкой Шах-Али в Казань оно открыто выступало против плана Мухаммед-Гирея сделать казанским ханом Сагиб-Гирея и имело все основания предполагать активное сопротивление со стороны Крыма в деле осуществления московского проекта разрешения казанского вопроса. Правительство Василия III вместе с тем имело известные основания предполагать о наличии в Крыму ряда обстоятельств, чрезвычайно затрудняющих положение правительства Мухаммед-Гирея и могущих помешать ему вести активную политику, направленную против Русского государства.

Дело в том, что еще в полученной в Москве в январе 1519 г. грамоте Андреев сообщал о серьезной внутренней борьбе в Крымском ханстве.⁴⁹ Она вспыхнула в форме мятежа, поднятого против Мухаммед-Гирея его братом царевичем Ахматом. Мятеж представлял большую опасность для Мухаммед-Гирея, так как Ахмат имел сильную поддержку среди крымских феодалов и пытался также опереться в борьбе против своего брата на Турцию. Мятеж Ахмата был чрезвычайно кстати для московского правительства — и не только потому, что он ослаблял Мухаммед-Гирея, но и потому, что Ахмат принадлежал к числу сторонников Русского государства и держался московской ориентации.⁵⁰

о предстоящем прибытии посольства, посланная «от Ворскла» (Сб. РИО, т. 95, стр. 615), а 1 апреля 1519 г. состоялся уже второй прием князя Аппака Василием III (там же, стр. 658). Таким образом, посольство прибыло во второй половине марта 1519 г. (Никоновская летопись датирует приезд князя Аппака просто мартом 1519 г.— ПСРЛ, т. XIII, стр. 33).

⁴⁵ Сб. РИО, т. 95, стр. 606.

⁴⁶ Там же, стр. 607—609.

⁴⁷ Там же, стр. 615.

⁴⁸ Там же, стр. 630—631.

⁴⁹ Там же, стр. 607. Андреев писал: «...А дал, государь, Богатырь (сын Мухаммед-Гирея.— И. С.) шерть того деля наперед, что его отец послал на Охмата, а Охмат, государь, от царя отступил, а стоит в Очакове, а Гемметя царевича сына своего послал к турецкому просити помощи на брата».

⁵⁰ Правительство Василия III поддерживало с Ахматом тайные связи и опиралось на него в проведении своей политики в Крыму. В частности, одной из задач и посольства князя Ю. Пронского являлось ведение секретных переговоров с Ахматом. Ю. Пронскому предписывалось сделать Ахмату следующее (секретное) заявление: «Нечто царь не потому учнет дело великого князя делати, или куды учнет думати сам ли пойти, детей ли своих послати на великого князя украину, или людей своих похочет послати, и Ахмат бы царевичь и сын его Гемметь тогда великого князя без вести не держали». (Сб. РИО, т. 95, стр. 600). Такой расчет на действия Ахмата в роли агента московского правительства был основан на старых связях Ахмата с Русским государством, а также на том, что уже тогда правительству Василия III было известно об острой борьбе между Ахматом и Мухаммед-Гиреем. В связи с этим одной из тем переговоров между князем Ю. Пронским и Ахматом

Сведения, привезенные Андреевым, были исключительно важны. Часть их была благоприятна для Русского государства: Мухаммед-Гирей возобновил «шертную грамоту»⁵¹ о дружбе с Русским государством. Но вместе с тем правительство Василия III узнало от Андреева, что царевич Ахмат убит сыном Мухаммед-Гирея — Али-Гиреем⁵², что могло означать укрепление позиции крымского хана — обстоятельство, весьма нежелательное для московского правительства в данный момент. Наконец, ни Андреев, ни, позднее, князь Аппак ничего не могли сообщить о том, как реагировало или собиралось реагировать правительство Мухаммед-Гирея на смерть Мухаммед-Эмина и воцарение Шах-Али, так как к моменту отъезда посольства из Крыма правительство Мухаммед-Гирея еще не знало о событиях в Казани.⁵³

Иными словами, приезд Андреева и князя Аппака не внес ясности в создавшуюся обстановку. Такое неопределенное положение вещей продиктовало правительству Василия III необходимость предпринять новые срочные шаги в области дипломатии, и в марте же 1519 г., т. е. немедленно по приезде Андреева и послов из Крыма,⁵⁴ правительство Василия III посылает новое посольство — к турецкому султану. Официальной задачей миссии Б. Голохвастова было «салтанова здорovia проведати»,⁵⁵ но действительная цель посольства состояла, во-первых, в том, чтобы узнать о положении в Крыму, а во-вторых, войти в тайные сношения с детьми убитого царевича Ахмата и их сторонниками и звать их на службу к московскому государю.⁵⁶ Поэтому посольство Б. Голохвастова должно было до поездки в Царьград использовать свое пребывание в Каффе для выполнения секретной части своей миссии и лишь затем направиться к султану.

Как и следовало ожидать, князь Аппак заявил решительный протест против кандидатуры Шах-Али. Оговариваясь, что в момент его отъезда из Крыма там еще не было известно о смерти Мухаммед-

должно было быть обсуждение возможности «отъезда» Ахмата в Русское государство, в случае если ему будет «в своей земле не мочно быти», как писал сам Ахмат в одной из грамот Василию III (там же). На этот случай посольство Ю. Пронского было снабжено даже «опасной грамотой» на приезд Ахмата в Русское государство (там же, стр. 600—601). Однако на отъезд Ахмата Ю. Пронский должен был дать согласие лишь в случае невозможности дальнейшего его пребывания в Крыму. Если же посол установит, что «Ахмату царевичу в Орде еще мочно быти» (там же, стр. 602), то он должен был скрыть наличие опасной грамоты, так как с точки зрения правительства Василия III для него было выгоднее иметь Ахмата в качестве своего сторонника в Крыму, чем политическим эмигрантом и служилым царевичем Русского государства.

⁵¹ Сб. РИО, т. 95, стр. 631.

⁵² Там же

⁵³ Посольство выехало из Крыма в январе 1519 г. (решение о посылке посольства было принято в декабре 1518 г.— Сб. РИО т. 95, стр. 608); посланная с гонцами грамота с извещением о посольстве датирована началом января (там же, стр. 608—609). Андреев же сообщил, что посольство выедет «после гонцов в пятнадцатый день» (там же, стр. 607). В числе грамот Мухаммед-Гирея Василию III, привезенных князем Аппаком, была, между прочим, грамота с просьбой обеспечить беспрепятственную поездку гонца Мухаммед-Гирея в Казань с извещением Мухаммед-Эмина о новых шертных грамотах между Мухаммед-Гиреем и Василием III (там же, стр. 639—640).

⁵⁴ Отправление посольства Б. Голохвастова датировано в статейном списке мартом 1519 г. без обозначения числа. В Сборнике РИО Статейный список посольства Голохвастова помещен *перед* документами о посольстве князя Аппака. Но то, что Голохвастов был послан *после* приезда Андреева с бесспорностью доказывается инструкцией ему, в которой Голохвастову предписывался сбор сведений об убийстве Ахмата, о чем правительство Василия III узнало лишь от Андреева.

⁵⁵ Сб. РИО, т. 95, стр. 619.

⁵⁶ Там же, стр. 624—628 (текст «памяти» Б. Голохвастову «о Ахматовых царевичевых детей»).

Эмина и что он поэтому не мог получить ханского «приказа» по этому вопросу, Аппак тем не менее формулировал (на приеме его Василием III) позицию Крыма следующим образом: «изстари недруг ординские цари государю нашему, а ты ныне того юрта послал на Казань царя». ⁵⁷ В еще более решительной форме крымский посол протестовал против возведения на престол в Казани Шах-Али в переговорах с боярами. ⁵⁸

Московское правительство выдвинуло в защиту своей позиции официальную версию о том, что воцарение Шах-Али в Казани — результат инициативы самих казанцев: «Присылали к нам бити челом сеити и князи и вся земля Казанская, а просили у нас царя именно того Шигалея царя, и мы их пожаловали, того есмя им царя дали по их прошению, а говорили есмя им, чтобы они взяли себе у брата нашего у Магмед-Гирея царя на Казань брата или сына, а они того не похотели, и похотели у нас того царевича, а говорили: отколе к нам ни придет царевич от инуды, и нам его к себе однолично никак не взять. И мы их пожаловали по их челобитью и дали есмя им того царевича; а взяли бы они царевича из Асторокани или из Ногаи, и нам бы в том такой прибыток, что наш недруг у них на государстве». ⁵⁹ Таким образом, со слов московского правительства выходило, что кандидатура Шах-Али рассматривалась им как неизбежное зло, во избежание перспективы воцарения в Казани хана из Астрахани или из ногайцев, и что оно согласилось на нее лишь вследствие непреодолимого желания иметь Шах-Али своим царем самих казанцев, отклонивших рекомендовавшиеся им московским правительством кандидатуры из крымских царевичей.

При всей стройности этой схемы ее неправдоподобность бросалась в глаза. Однако, как это ни могло показаться неожиданным, князя Аппака вполне удовлетворило это объяснение, и в итоге переговоров крымские послы подтвердили заверения, изложенные в привезенной ими шертной грамоте, «быти в крепкой дружбе и в братстве». ⁶⁰

Секрет этой уступчивости князя Аппака раскрывают донесения, полученные правительством Василия III от Б. Голохвастова. Донесения эти являются, можно сказать, ключом к пониманию всей совокупности московско-крымско-казанских отношений в этот период.

В первом из донесений, посланном из Азова после 2 июня 1519 г., Б. Голохвастов сообщил о положении в Крыму следующее: «А из Казани, государь, у него (Мухаммед-Гирея.— И. С.) присылка была, кое царя не стало, да и хотел царевича послати Саип-Гирея или Азибека, да затем, сказывают, не послал, разъезду у него людем никуды нет, опосається турского, а с Ширины у него рознь велика пришла; Ахматова царица и два сына меньшие у Ширинов живут, да что Уметь царевич Ахматов сын обручал дочь у Бахтиар-мурзы и Казы-Гирей царевич приходил к нему, сильно хотел у Бахтияра дочь взять за себя, и Бахтиар ему не дал, и царь к нему присылал, о чем не дашь дочери за моего сына, и он ему отвечал: обручал, государь, братанич твой у меня дочь, и он будет, и мне где быти». ⁶¹

Второе донесение Б. Голохвастова было отправлено им уже из Каффы, после 26 августа 1519 г., и содержало еще более подробную

⁵⁷ Сб. РИО, т. 95, стр. 661.

⁵⁸ Там же, стр. 663.

⁵⁹ Там же, стр. 661.

⁶⁰ Там же, стр. 654.

⁶¹ Там же, стр. 668. Донесение было получено в Москве 9 июля 1519 г.

характеристику положения в Крыму. Посол сообщал: «А Бахтиар-мурзу, сказывают, царь жалует, да и к праву его привел, что ему царю добра хотети, и царь, государь, ему, сказывают, свое слово молвил, что от детей от своих его беречи. А Богатырь, государь, салтан потому ему не верит, что Ахметова царица живет у него и с детьми с меньшими, а от тех царевичев, которые у турского, обсылка Бахтиару мырзе живет. А что дочь свою Бахтиар обручал за Уметь царевича, и царь хотел взять за своего сына за Казы Гирея, и Бахтиар не дал, а хотел силою взять, и он отстоялся же. А Бахтиару мурзе шло жалование царевичево явно от Теммагмед дугана, а нынеча государь царь Бахтиару приказал те денги имати тайно, чтоб дети его не ведали. Да в Кафе же, государь, у нас был Уметев царевичев человек Аллакул Аиковулов сын, а сказывает приехал из Царягорода от обеих царевичев, от Сады-Гирея да от Уметя, сее зимы к Бахтиар мырзе и ко всем Ширином с тем, что царь их турской жалует и юрта нашего хочет нам доставати. Да сказывал, государь, что царевичи приказали и срок, о которых было днеш делу их быти, и те дни, сказывал, минули, и сказывал, государь, Бахтиар мырза, с тем его к царевичем отпускает: зачем ваше дело не ссталось, и коли ваше дело будет, и вы б о всем о том к нам отказали. Да сказывал нам, государь, тот же человек, что Ширины от царя берегутся, коли, государь, у царя съезд, тогда ко царю не ездят, а хоти, государь, и поедет, ино один от их семьи. Да тот же человек сказывал: турской грамоту прислал ко царю Махметю о царице Ахматове, да и о детях о меньших, чтоб им некоторого лиха не учинил. А крымской, государь, сказывают, бережется от турского, потому что тех царевичев жалует; да тот же, государь, человек нам сказывал, к Оппаку присылал Сады-Гирей царевич, посылает тебя царь к великому князю, и ты б пошел, а учнут наши дела делаться, и тебе у него живу не быти». ⁶²

Донесения Голохвастова с исключительной яркостью раскрывают обстановку в Крыму. Положение в Крымском ханстве в 1519 г. характеризуется ожесточенной борьбой за власть между отдельными представителями дома Гиреев. В этой борьбе не менее активное участие принимает крымская феодальная знать. Наконец, за ходом борьбы внимательно следит Турция, поддержки которой ищет одна из борющихся сторон и которая непосредственно вмешивается в ход борьбы. Положение самого Мухаммед-Гирея рисуется в донесениях Голохвастова как чрезвычайно непрочное и шаткое. В борьбе с Ахматом он столкнулся с мощной феодальной группировкой внутри Крыма, возглавляемой князьями Ширинами, ⁶³ поддерживавшими семейство Ахмата, и с еще более могущественной внешней силой в лице Турции, занявшей враждебную по отношению к Мухаммед-Гирею позицию и поддерживавшей его противников. ⁶⁴

⁶² Там же, стр. 670. Донесение было получено в Москве 5 ноября 1519 г.

⁶³ О составе рода крымских Ширинов дает представление один из шертных списков 1524 г.: «А се список князей Ширинских и мурз: Меметь князь, Барын Девлет Бахты князь, Мелик паша мырза, Бахтеяр мырза, Айдешке мырза, Авлия мырза, Токузак мырза, Юнус мырзин сын, Чанак мырза, Ширин Чебелек князь, Бахтеяр мырзин сын, Знеш мырза, Авляя мырзин сын, Барыр-яр мырза, Авляяров же мырзин сын Чигир-ян» (А. Малиновский. Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями с 1462 по 1533 год, приложение № 37. Записки Одесского об-ва истории и древностей, т. V, 1863, стр. 412).

⁶⁴ Враждебное отношение Турции к Мухаммед-Гирею ведет свое начало еще со времени борьбы в Турции между султаном Баязедом II (1481—1512) и его младшим сыном Селимом. В этой борьбе Мухаммед-Гирей поддерживал Баязеда, и есте-

К осени 1519 г. (как это видно из второго донесения Голохвастова) положение в Крыму еще более обострилось. Попытки Мухаммед-Гирея добиться укрепления своих позиций путем приближения к себе одного из представителей рода Ширинов, Бахтиара-мурзы, не дали надлежащего эффекта. К этому времени положение Мухаммед-Гирея стало еще серьезнее вследствие его конфликта со своими детьми, «беречь» от которых Мухаммед-Гирея и должен был Бахтиар-мурза. Но тактика сближения Мухаммед-Гирея с Бахтиар-мурзой не ликвидировала связей последнего с враждебными Мухаммед-Гирею группировками. Бахтиар-мурза продолжал получать «жалованье» от царевича Геммета (Уметя) через каффинского дувана, и именно с ним, как с виднейшим представителем дома Ширинов, вели из Турции переговоры о подготовке переворота в Крыму царевичи Саидет-Гирей и Геммет, поддерживаемые в своих притязаниях султаном Селимом I.

В этой обстановке Мухаммед-Гирей не мог, конечно, идти на конфликт и разрыв с Русским государством, а, напротив, стремился улучшить свои отношения с ним.⁶⁵ Поэтому, несмотря на «присылку» к нему из Казани после смерти Мухаммед-Эмина с просьбой о «возведении на Казань» хана из династии Гиреев, Мухаммед-Гирей вынужден был временно отказаться от осуществления разработанного им плана (проведение которого в жизнь было возможно лишь путем открытой борьбы с Русским государством), хотя и имел двух кандидатов: Сагиб-Гирея и Азибека.

Донесения Голохвастова позволяют выяснить еще один важнейший момент в развернувшейся борьбе вокруг Казани. Идиллическая картина единодушного и непреодолимого желания казанцев иметь своим ханом Шах-Али, изображенная московским правительством в переговорах с Крымом (и воспроизведенная в официальных летописных сводах), конечно, весьма мало соответствовала действительному положению дел. «Присылка» из Казани в Крым, о которой сообщает Голохвастов, показывает, что в Казани имелась достаточно сильная и политически активная группировка, враждебно относившаяся к московскому кандидату и связанная с Крымом. Но вместе с тем материалы, собранные Голохвастовым, дают возможность гораздо более полно выяснить те силы в Казанском ханстве, которые поддерживали Русское государство и Шах-Али. На первое место среди них следует поставить княжеский род Ширинов. Выше уже отмечалась активная роль, которую играл в ходе переговоров о Шах-Али князь Булат Ширин. Это известие летописи приобретает особый интерес, если его сопоставить с сообщением Голохвастова о том, что Мухаммед-Гирею помешало послать в Казань своего кандидата то, что «с Ширины у него рознь велика пришла». Итак, в то время как князь Ширин в Казани активно способствует воцарению Шах-Али, князь Ширины в Крыму своей борьбой с Мухаммед-Гиреем не дают последнему возможности выступить против Шах-Али и провести в Казани своего ставленника. Естественно встает вопрос: случайно ли это, можно ли рассматривать борьбу Ширинов в Крыму с Мухаммед-Гиреем и борьбу Ширинов в Казани за Шах-Али как два самостоятельных, не связанных друг с другом процесса, а участников этой борьбы — Ширинов — как простых

ственно, что, став султаном, Селим был враждебно настроен по отношению к крымскому хану. См. В. Д. Смирнов. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII столетия, СПб., 1887 стр. 362—385.

⁶⁵ Характерный в этом отношении штрих сообщает в своем первом донесении Голохвастов: «А князь Юрий, сказывают, Пронской в Перекопи, а царь его жалует добре» (Сб. РИО, т. 95, стр. 668).

однофамильцев, или, напротив, сходство позиций Ширинов в Казани и Крыму не случайно, а вытекает из общих клановых связей и интересов этого единого феодального дома.

Источники не дают прямых указаний на родственные связи между крымскими Ширинами и Ширинами казанскими, равно как нет непосредственных данных и о том, как крымские Ширины относились к кандидатуре Шах-Али в казанские ханы. Есть, однако, некоторые косвенные данные, позволяющие предположить наличие связей между Ширинами Казани и Крыма и вместе с тем заинтересованность крымских Ширинов в победе кандидатуры Шах-Али. Этими данными являются известия о третьей, касимовской ветви рода Ширинов. Данные о касимовских Ширинах сохранила одна из грамот Ивана IV ногайскому князю Исмаилу (от 22 сентября 1563 г.) в ответ на жалобы последнего о неправильном взимании тамги с ногайских послов. Соответствующее место грамоты гласит: «...Да на Володимер же коли ходят твои послы, тогда им лучитца идти на Городок. А у нас исстари живут на Городке цари и царевичи. Ино на царя и на царевича ж идет пошлина ж, да на болшего князя на Ширинского идет пошлина ж. И после того твои послы били челом, что их Шигалей царь обидит, а емлет у них лутчие лошади в пошлину. И мы того для все пошлины велели имати на Москве».⁶⁶

Итак, в Касимове, вотчине Шах-Али, также имелся князь Ширин. Не менее важен и другой момент, содержащийся в грамоте 1563 г., именно указание на исключительно высокое положение князя Ширина, отраженное и в его титуле «большого князя» и в праве на получение пошлины, одинаковой с самим касимовским царем Шах-Али. Столь высокое положение князя Ширина в Касимове не являлось исключительной принадлежностью одних только касимовских Ширинов. В. В. Вельяминов-Зернов установил, что и Ширины Крыма и Ширины Казани занимали равно высокое положение в системе феодальной иерархии этих государств, входя в особую группу из четырех (или пяти) первых по знатности феодальных родов Казани и Крыма.⁶⁷ Таким образом, князья Ширинов, помимо имени, роднит и одинаковость социального положения. Эта общность социального положения в сочетании с единым родовым именем дает основание заключить, что Ширины Казани, Крыма и Касимова не чуждые друг другу однофамильцы, а ветви одного феодального рода,⁶⁸ единого в прошлом, сохранившие, однако, и после разделения его на особые ветви родовые связи и общие интересы.

Если теперь сопоставить то, что дают источники по вопросу о Ширинах, то мы получим следующее: 1) в вотчине Шах-Али — Касимове имеется «большой князь Ширинский», обладающий исключительными привилегиями; 2) казанский князь Ширин активно поддерживает кандидатуру Шах-Али на казанский престол; 3) крымские Ширины занимают дружественную позицию по отношению к Русскому государству и резко враждебную позицию по отношению к крымскому хану, не давая ему возможности посадить своего ставленника в Казани. Все

⁶⁶ Продолжение Древней российской вивлиофики, т. X, стр. 320. Эту грамоту впервые подробно исследовал В. В. Вельяминов-Зернов в своем «Исследовании о касимовских царях и царевичах» (т. I, стр. 471—472; т. II, стр. 434—435).

⁶⁷ В. Вельяминов-Зернов. Указ. соч., т. II, стр. 411—416 и 426—429.

⁶⁸ Род Ширинов уходит своими корнями, повидимому, еще во времена Золотой Орды, вместе с распадом которой на ряд татарских государств произошло разделение и рода Ширинов на ряд ветвей.

эти данные, взятые в их совокупности, исключают возможность говорить о случайном совпадении не связанных друг с другом событий, в которых участвуют Ширины Казани, Крыма и Касимова, и позволяют заключить, что правительство Василия III в своей борьбе за возведение на казанский престол Шах-Али опиралось на мощную феодальную группировку князей Ширинов, имевшую своих представителей и в Казани, и в Крыму, и в Касимове, державшуюся московской ориентации и, в свою очередь, непосредственно заинтересованную в победе Шах-Али, с которым Ширины были связаны через своих касимовских сородичей.

Воцарение Шах-Али фактически означало восстановление контроля Русского государства над Казанью, прекратившегося после событий 1505—1507 гг. Однако успех Русского государства был еще весьма непрочен. Источники мало сообщают данных о первом правлении Шах-Али. Тем не менее общий характер правления Шах-Али в Казани можно установить достаточно отчетливо. Реальным выражением контроля Русского государства над Казанью явилась посылка туда вместе с Шах-Али виднейшего московского дипломата Ф. И. Карпова и военного отряда.⁶⁹ Сам новый хан не играл (да и не мог играть, хотя бы по своему возрасту)⁷⁰ никакой политической роли и являлся лишь чисто декоративной фигурой. Направление политики, проводившейся от имени Шах-Али, определялось его советниками. Общую характеристику правления Шах-Али мы находим у Герберштейна, видевшего причины изгнания Шах-Али из Казани в том, что «он презрел и пренебрег расположением своих подданных, был более надлежащего предан государю Московии и полагался на иноземцев более, чем на своих».⁷¹ Иными словами, Шах-Али явился проводником политики Русского государства, и это не могло не вызвать среди казанской феодальной знати оппозиции и борьбы против нового хана. Герберштейн, излагая историю переворота 1521 г., отмечает, что Шах-Али встречал в своих подданных «сильную ненависть и отвращение к себе».⁷²

К сожалению, недостаточность источников не дает возможности сколько-нибудь конкретно охарактеризовать состав той группировки, которая возглавила борьбу против Шах-Али. Официальные летописные своды при передаче событий, связанных с низложением Шах-Али, ограничиваются лишь весьма туманной и краткой формулой, что «казанские сеити и уланы и князи» «изменили» Шах-Али.⁷³ Столь же вообще говорят о событиях и документы дипломатических сношений с

⁶⁹ О Ф. И. Карпове и военном отряде сообщает только «Казанский летописец»: «Царь Шигалей поиде на Казань с Московским воеводою Федором Карповым... Присекоша в Казани всю Русь, при царе Шигалее, в 3 лето, прибывшую силу, служащих же Шигалею варвар 5000 убиша» (ПСРЛ, т. XIX, стр. 31—32; ср. стр. 241—243). Нет оснований не доверять в данном случае этому источнику (за исключением, конечно, цифры убитых). О Ф. И. Карпове см. В. Ф. Ржигала. Боярин-западник XVI в. (Ф. И. Карпов) в «Ученых записках Института истории РАН ИОН», т. IV, М., 1929.

⁷⁰ Шах-Али родился в 1506 г. В. Вельяминов-Зернов. Указ. соч., т. I, стр. 504—505.

⁷¹ С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 147.

⁷² Там же.

⁷³ Заявление Худякова, что «во главе недовольных стоял оглан Сиди» (указ. соч., стр. 73) — грубая ошибка, явившаяся результатом того, что испорченный текст 2-й Софийской летописи автор принял за собственное имя. (Текст 2-й Софийской летописи: «Тое же весны казанци, Сиди — улан, великому князю своя клятвы правду изменив, взяли себе из Крыма царевича» и т. д. — ПСРЛ, т. VI, стр. 263. Ср. текст Никоновской летописи: «Тое же весны Казанстии сеити и уланы и князи великому князю Василью своя клятвы изменили, взяли себе ис Крыму царевича» и т. д. — ПСРЛ, т. XIII, стр. 37).

Крымом и Турцией.⁷⁴ Единственный источник, сообщающий некоторые подробности об обстановке в Казани в годы правления Шах-Али, это «Казанский летописец», рассказ которого, с учетом необходимости критического отношения к этому источнику, дает известное представление о характере той борьбы, итогом которой было свержение Шах-Али и утверждение в Казани династии Гиреев. «Казанский летописец» дает следующую схему разворачивания событий. Первый этап борьбы в Казани характеризуется стремлением «казанцев» добиться разрыва Шах-Али с Русским государством: «веляща ему тако же от великого князя отступить, изменить, яко же и прежний царь Махметемин прокаженный сотворил». Ответом Шах-Али на это явились репрессии по отношению к заговорщикам против Русского государства: «овех болших князей и мурз яше и в темницу затворявше, и заключи, овех же смертней казни предавше». Такие действия хана привели к разрыву его с казанцами и обращению последних к Крыму, результатом чего и явился приход в Казань Сагиб-Гирея.⁷⁵ Есть все основания считать, что в основе этой схемы лежат исторические факты.⁷⁶ Отказ Мухаммед-Гирея в 1518 г. от посылки в Казань царевича из династии Гиреев (по причинам, отмеченным выше) не мог не привести к временному ослаблению крымской ориентации враждебных Русскому государству кругов в Казани и к попыткам с их стороны иными путями разрешить проблему власти в Казани. Столь же вероятно и то, что в обстановке острой политической борьбы Шах-Али не мог не применять по отношению к своим противникам репрессий, в том числе и самых суровых. Наконец, неудача попыток использования Шах-Али в борьбе за власть должна была привести, и действительно привела, к возобновлению сношений с Крымом. Факт этих переговоров и содержание их устанавливаются уже на основании гораздо более полноценных источников — документов Посольского приказа. Целью переговоров между Казанью и Крымом являлась подготовка государственного переворота в Казани и возведение на престол Казани Сагиб-Гирея. К 1521 г. подготовка переворота была завершена. Весной 1521 г. правительство Василия III уже знало о результатах переговоров между казанцами и Мухаммед-Гиреем, получив об этом донесение от своих агентов из Азова.⁷⁷

Переворот 1521 г. в Казани явился, однако, результатом гораздо более сложного процесса, чем одна лишь борьба между казанскими феодальными группировками. Казань и на этот раз явилась одним из фокусов противоречий в международных отношениях государств Восточной Европы, оказавшись объектом борьбы прежде всего Русского государства и Крыма. Промежуток 1519—1521 гг. заполнен интенсив-

⁷⁴ См. ниже.

⁷⁵ ПСРЛ, т. XIX, стр. 31; ср. стр. 241.

⁷⁶ В. Вельяминов-Зернов подчеркивает, что рассказ «Казанского летописца» «полон ошибок: в нем многое походит на басню» (указ. соч., т. I, стр. 258), и подвергает его подробной критике, указывая на ошибки и баснословные элементы в этом рассказе. Он, однако, недооценивает того, что, несмотря на ошибки и баснословие, «Казанский летописец», несомненно, содержит и ряд очень ценных сведений о Казани, особенно по вопросам внутренней истории Казанского ханства, отсутствующих в других источниках.

⁷⁷ В грамоте из Азова, полученной в Москве 10 мая 1521 г., сообщалось: «...Да шли мимо нас казанские татарове ко царю царевича на Казань просити, и царь им царевича и дал на Казань, которой был со царицею на Москве (так назван здесь Сагиб-Гирей, который в 1510 г. действительно ездил в Москву вместе с царицей Нур-Салтан. — И. С. — ПСРЛ, т. XIII, стр. 13), а с ним пошло триста человек, а Мертяк мурза с ним же» (Сб. РИО, т. 95, стр. 678).

ной деятельностью московских и крымских дипломатов. Целью московской дипломатии являлось добиться закрепления достигнутого успеха, Крым же, напротив, стремился подготовить обстановку для реализации своих планов по казанскому вопросу, осуществление которых в 1519 г. оказалось невозможным.

Главное внимание московских дипломатов было направлено на Турцию. Благоприятным для Русского государства моментом в позиции Турции являлось враждебное отношение султана Селима I к Мухаммед-Гирею, дававшее возможность правительству Василия III играть на конфликте между турецким султаном и его крымским вассалом. Посольство Голохвастова имело своим результатом подтверждение со стороны Селима особой грамотой дружественных отношений между Турцией и Русским государством.⁷⁸ Одновременно Голохвастов привез известие о вероятности того, что царевич Геммет «в Перекопи государем будет»,⁷⁹ что также было весьма выгодно для Русского государства. Смерть Селима I осенью 1520 г. и вступление на престол нового султана Сулеймана I изменили обстановку в пользу Крыма. Готовясь к борьбе за Казань, Мухаммед-Гирей действовал в двух направлениях (не считая поддерживавшихся связей с Казанью). Одним из них была Турция, которую Мухаммед-Гирей стремился восстановить против Русского государства. Другой областью деятельности крымских дипломатов была Астрахань.

В отношениях с Астраханью правительство Мухаммед-Гирея совершает в 1519—1520 гг. крутой поворот, заключающийся в переходе от резко враждебных отношений и многолетней борьбы за захват Астрахани⁸⁰ к попытке втянуть Астрахань во враждебный Русскому государству блок и использовать ее для борьбы против Русского государства. С этой целью к астраханскому хану Джанибеку было отправлено специальное посольство с предложением «дружбы и братства», выражением которых должно было явиться участие Астрахани в походе против Русского государства.⁸¹ Эта попытка союза между Крымом и Астраханью, однако, не увенчалась успехом⁸² и не отразилась ни на отношениях между Астраханью и Русским государством, ни на крымско-астраханских отношениях. Она является тем не менее весьма характерным показателем глубины и непримиримости противоречий между Русским государством и Крымом, оттеснивших для последнего на задний план даже его традиционную вражду с Астраханью.

⁷⁸ Сб. РИО, т. 95, стр. 673—674.

⁷⁹ Там же, стр. 674.

⁸⁰ См. там же, стр. 26, 71, 150—151, 243, 271, 287, 297, 378, 437, 444, 450, 514; 576, 634—635 и др.

⁸¹ Там же, стр. 679: «Приходил посол из Крыма к азстороканскому царю, а молил так Зяныбеку царю: меж собою есмь братья, что был есмь в дружбе с московским, и он передо мною изменил: Казань была юрт наш, и ныне он посадил салтана из своей руки, а казанская земля не хотели того, oprичь одного сеитя, да и прислали ко мне человека просити у меня салтана, и яз им салтана и отпустил на Казань, а сам иду на московского со всею своею силою, а хочешь со мною дружбы и братства держати, и ты б сам пошел на московского или салтанов послал... А татарове, государь, из Крыма приехали к нам, и они, государь, говорят так: кое то царь со своею силою готов стоит» (донесение московского агента в Азове З. Зудова). Донесение Зудова было привезено в Москву 10 мая 1521 г. Зудов пишет, что посол из Крыма в Астрахань приходил в то время, когда он находился «в полену в Азсторокани четыре месяца» (там же). Следовательно, переговоры между Джанибеком и Мухаммед-Гиреем падают на самый конец 1520 г. или начало 1521 г. К этому времени уже были закончены переговоры и между Мухаммед-Гиреем и казанцами.

⁸² «...И Азстороканской царь и князи и земские люди с тобою не хотят, государь, недружбы, все, государь, хотят с тобою дружбы» (из этого же донесения).

Смена султанов в Константинополе также была использована Мухаммед-Гиреем для дипломатической подготовки борьбы против Русского государства. При этом Мухаммед-Гирей пытался играть одновременно и на моментах религиозного порядка, и на учете чисто политических обстоятельств. Изложение позиции крымского правительства по вопросу о Русском государстве и формулировка обвинений против него были поручены чрезвычайному послу Мухаммед-Гирея беку Абдур-Рахману, посланному в Константинополь по случаю вступления на престол Сулеймана I, которому крымский посол должен был передать поздравления и заверения в верности от Мухаммед-Гирея.⁸³ Сущность политических обвинений Русского государства со стороны Мухаммед-Гирея заключалась в изображении политики Василия III как политики антитурецкой, политики поддержки врагов Турции и наиболее страшного из них — Персии.⁸⁴ Обвинения Русского государства по линии религиозной заключались в приписывании правительству Василия III активной антимусульманской деятельности в Казани.⁸⁵ Последнее обстоятельство с особой наглядностью вскрывает тактический смысл дипломатической пропаганды Мухаммед-Эмина, как пропаганды, имевшей целью подготовить благоприятную почву для его похода против Русского государства и, в частности, обеспечить благожелательное отношение к этому походу со стороны Турции.

Судя по донесениям московских агентов, Мухаммед-Гирею не удалось добиться поддержки от Турции своих антимосковских планов. Согласно этому источнику, султан дважды присылал в Крым специальных гонцов с запрещением похода «на Московскую землю».⁸⁶ Это, однако, не остановило Мухаммед-Гирея, повидимому, правильно рассчитавшего, что положение молодого султана, только что получившего власть в свои руки, не даст ему возможности рисковать войной с одним из своих крупнейших вассалов (хотя, как увидим ниже, несколько задержало начало войны Крыма с Русским государством).

Самый переворот 1521 г. имел насильственный характер, и если официальные своды глухо говорят лишь о том, что свергнутого хана «выслали» из Казани, а из актов насилия упоминают только об ограблении и захвате русских гостей,⁸⁷ то рассказ «Казанского летописца»

⁸³ Об официальной цели миссии Абдур-Рахмана см. у В. Д. Смирнова. Указ. соч., стр. 391.

⁸⁴ Об этой стороне деятельности миссии Абдур-Рахмана сообщал в Москву З. Зудов: «А ныне, государь, тебя смущал крымской царь с турецким, а посылал своего князя Абдрахмана на твоего, государь, недруга с тем, что к тебе, государь, приходил посол от Кизылбаша, а прошал у тебя пушек и пищалей, и ты будто, государь, послал к нему тридцать тысяч пищалей да и мастеров, а хотя, государь, вам великие недружбы, а отманский государь всему тому не потачил, знает его собачью обманку, а хочет, государь, с тобою дружбы, как и отец его» (Сб. РИО, т. 95, стр. 706). Донесение Зудова попало в Москву лишь 20 августа 1521 г.

⁸⁵ Эту линию в антимосковской пропаганде Мухаммед-Гирея освещает наказ московскому послу в Турцию в 1521 г. Третьяку Губину. Губин должен был заявить от имени Василия III: «Ныне слышание у государя нашего, что Магмед-Гирей царь писал к салтану в своей грамоте, что будто Казанская земля юрт их, и на Казани учинил государь наш царем Шыг-Алея царя, недруга их, и мизгити (т. е. мечети.— И. С.) их будто государь наш велел разорити, а там велел церкви свои христианския поставити, да и колоколы будто велел повесити». Посол должен был опровергнуть эти «речи безлепичные» (Сб. РИО, т. 95, стр. 696). Можно думать, что грамота крымского хана, о которой идет здесь речь, была послана султану с тем же Абдур-Рахманом.

⁸⁶ Сб. РИО, т. 95, стр. 681. Ср. из другого донесения: султан «приказал» Мухаммед-Гирею: «Слышали есмь, что хочешь пойти на московскую землю, и ты ся береги на свой живот и не ходи на московского, занеже ми есть друг велик, а пойдеши на московского, и яз пойду на твою землю» (там же, стр. 682).

⁸⁷ ПСРЛ, т. XIII, стр. 37.

позволяет говорить о настоящем восстании против Шах-Али, в результате которого был уничтожен отряд русского войска, находившийся в Казани, и разграблен дом Ф. И. Карпова.⁸⁸ В свержении Шах-Али принял, вероятно, участие и тот отряд из 300 крымцев, с которым шел из Крыма Сагиб-Гирей.

Переворот в Казани произошел, вероятно, в апреле 1521 г.⁸⁹ Первоначальный план Мухаммед-Гирея состоял в том, чтобы одновременно с переворотом в Казани ударить на Москву. В донесениях Василию III московских агентов из Азова о посылке Мухаммед-Гиреем в Казань Сагиб-Гирея сообщается также и о том, что «крымской царь Магмед-Гирей готов со всею силою итти на тебя к Москве».⁹⁰ Этот весенний поход на Москву, однако, не мог состояться по двум причинам. Одной из них был набег на Крымское ханство из Турции враждебных Мухаммед-Гирею царевичей Саидет-Гирея и Геммета, заставивший крымского хана двинуться против них «со всею силою»⁹¹ и принять решительные мероприятия по отражению возможного нападения их на Перекоп, чего весьма опасался Мухаммед-Гирей. Другим обстоятельством, вынудившим Мухаммед-Гирея несколько передвинуть сроки похода на Москву, была отрицательная позиция Турции, протестовавшей против намечавшегося похода Мухаммед-Гирея на Москву и угрожавшей репрессиями в случае, если он будет иметь место.⁹² В конце июня 1521 г. Василий III получил официальное сообщение от турецкого наместника из Каффы об успешном результате предпринятых турецким султаном мер против крымского хана.⁹³ Но к этому времени Мухаммед-Гирей уже вновь готовился выступить в поход на Русское государство.

⁸⁸ ПСРЛ, т. XIX, стр. 32.

⁸⁹ Приблизительная дата переворота устанавливается следующим образом. 21 февраля 1521 г. из Москвы в Азов был направлен с письмом к московским агентам казак И. Лазарев (Сб. РИО, т. 95, стр. 676). 10 мая того же года в Москву приехал из Азова с письмами от агентов Русского государства казак М. Тверитин, выехавший из Азова уже после приезда туда Лазарева (там же, стр. 677). Считая промежуток времени между отъездом Лазарева из Москвы и приездом в Москву Тверитина равным 78 дням и допуская, что оба гонца ехали с одинаковой скоростью, равно как и то, что Тверитин выехал из Азова вскоре же по приезде туда Лазарева, мы получаем, что Тверитин выехал из Азова в самом начале апреля. В письме, привезенном Тверитиным, содержалось сообщение о том, что Сагиб-Гирей прошел уже из Крыма в Казань. Принимая во внимание важность этого события, можно думать, что оно имело место незадолго до отъезда Тверитина (иначе с извещением о нем был бы послан специальный гонец; что Сагиб-Гирей только что прошел мимо Азова, видно и из контекста письма). Следовательно, Сагиб-Гирей вышел из Крыма в Казань, вероятно, в конце марта. Учитывая время, необходимое для прохождения пути от Крыма до Казани, мы получаем, что вероятное время прихода Сагиб-Гирея под Казань — вторая половина апреля. Позднейшая хронологическая грань переворота определяется сообщением местного Галицкого летописца о набегах казанцев на Московское государство в мае 1521 г. (Г. Кунцевич. История о Казанском царстве, прилож. I, стр. 601. — Летопись занятий Археогр. ком., вып. XVI, СПб., 1905, и отдельно), что могло иметь место только после низложения Шах-Али. Эти расчеты подтверждаются Типографской летописью, сохранившей известие о том, что сообщение о перевороте в Казани было получено Василием III «в мае» 1521 г. (ПСРЛ, т. XXIV, стр. 218).

⁹⁰ Сб. РИО, т. 95, стр. 678.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же, стр. 681, 682.

⁹³ Сообщение это привез Мануил Гречин, прибывший в Москву 24 июня 1521 г. (Сб. РИО, т. 95, стр. 680). Содержание его устанавливается из дополнительного наказа, посланного Третьяку Губину. На вопрос в Каффе: «Магмед-Гирей царь крымской хотел итти на великого князя украину, и государь наш Сюлемень салтан увердав то, что Магмед-Гирей царь хочет итти на московскую украину, да к Магмед-Гирею царю гонца прислал, чтоб на московскую украину не ходил, и он не пошел, и князь великий к салтану о том с тобою что приказал ли?» — Губин должен был ответить, что он выехал из Москвы еще до получения известия об этом (там же, стр. 694).

Военные действия со стороны Казани начались еще раньше. Первое по времени известие о нападении казанцев на Русское государство в 1521 г. содержится в кратком Галицком летописце, в котором имеется запись о том, что «мая в 26 день приходили татаровя казаньския с черемисою на Унжеския волости и на парфян (т. е. жителей Парфеньева — местность Костромского у. — И. С.) и много зла учинили и в полон поведоша, а иных иссекоша и поидоша прочь. И унженя на переем приидоша и много с татары бишася, и много татар и черемисы побиша и плен весь отъяша, и на костях стаща».⁹⁴ Набеги казанцев в верхнем Поволжье продолжались в течение всего 1521 г., достигая большой силы.⁹⁵ Однако главным театром военных действий стали Ока и Рязань с Коломной.

В литературе обычно наиболее достоверным и точным источником для изучения войны 1521 г. считается Герберштейн. Рассказ Герберштейна положил в основу своего изложения Карамзин.⁹⁶ Так же поступил и Соловьев.⁹⁷ Не расходится с ними в оценке значения «Записок» Герберштейна как историка по данному вопросу и такой авторитетный исследователь, как Вельяминов-Зернов.⁹⁸ Действительно, Герберштейн очень подробно останавливается на всей истории русско-татарских отношений, доводя свой рассказ вплоть до современных ему событий. Что касается описания войны 1521 г., то здесь возможность дать точный и подробный обзор ее для Герберштейна была особенно велика, так как его второй приезд в Москву имел место всего пятью годами позднее войны 1521 г. Тем не менее критическая оценка рассказа Герберштейна наталкивается на серьезные трудности. Если не надо большого труда для того, чтобы констатировать допущенную Герберштейном ошибку, выразившуюся в рассказе о том, что Мухаммед-Гирей лично участвовал в походе на Казань и возведении на ханский престол Сагиб-Гирея,⁹⁹ то иначе обстоит дело с оценкой достоверности основного факта, сообщаемого Герберштейном, — объединенного похода на Москву казанского и крымского ханов. Рассказав о посылке Василием III войска против крымцев на Оку, Герберштейн описывает дальнейшее течение событий следующим образом: «Махмет-Гирей, имевший более превосходные силы, быстро переправился через Оку и раскинул стан у неких рыбных садков в тринадцати верстах от самой Москвы. Затем он устроил вылазку и наполнил все грабежами и пожарами. Около этого же времени Саип-Гирей, также с войском, выступил из Казани и опустошил Владимир и Нижний-Новгород. После этого братья цари сходятся у города Коломны и соединяют свои силы... 29 июля татары двинулись далее».¹⁰⁰

Трудность оценки этого рассказа Герберштейна заключается в том, что русские источники дают совсем другую схему событий 1521 г. Подавляющее большинство летописных сводов вообще говорит лишь о походе одного Мухаммед-Гирея, совершенно умалчивая о военных дей-

⁹⁴ Г. Кунцевич. Указ. соч., прилож. I, стр. 601.

⁹⁵ Там же, стр. 602: «Того же лета месяца июня в 4 день приидоша татаровя под Унжю, и к городу приступиша, и мост зажгоша и ворота. И поможе господь бог унжаном, татар много побиша пищалма и пушками. А волости поплениша и полону много взяша, и долго стояли и прочь поидоша. ...Того же лета приходили татаровя в Жегово и Нойду и в Шартаново и на Толъшму и до Ухоны доходиша. Во единой волости в Толъшму в полон взяли и иссекли полсеми тысящи христиан».

⁹⁶ Н. Карамзин. История Государства Российского, изд. Эйнерлинга, т. VII, стб. 66.

⁹⁷ С. Соловьев. История России, кн. I, стб. 1631.

⁹⁸ В. Вельяминов-Зернов. Указ. соч., т. I, стр. 257.

⁹⁹ См., например, у В. Вельяминова-Зернова, там же.

¹⁰⁰ С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 148.

ствиях со стороны казанского хана.¹⁰¹ Точно так же отражен ход событий и в официальной разрядной книге, в которой имеется июньский разряд 1521 г., характеризующий расположение военных сил Русского государства «в царев приход, как царь крымской Магмед Кирей, Менгли Гиреев сын, реку Оку перелез»,¹⁰² и августовский разряд того же года; «как царь пошел из земли назад, и князь великий велел по берегу быть воеводам».¹⁰³ Это единство русских источников в рассказе о войне 1521 г. существенно подрывается, однако, известием, содержащимся в одном из списков хронографа редакции 1512 г. Версия хронографа о событиях 1521 г. имеет следующий вид: «Того же лета, июля, безбожный крымский царь Магмед-Гирей, Менглигиреев сын, забыв своя клятвы и правды, с своею братиею и с своими детми и со всею Ордою з Заволскою, с Нагаи, и да с ними ж был от короля литовскаго Осташ Дашков сын, и вскоре прииде безвесно на великаго князя во отчину на резанские места и на коломенские и Резань город, прииде вборзе и Оку реку перелезли, и коломенские места воевали и плену не мало собрали. Князь же великий с своею братиею, со князем Юрьем и со князем Ондреем, въиде с Москвы на Волок и уча збираться на безбожных. Безбожный же царь услышавши то собрание великаго князя, что неизложно хочет князь великий итти на них, и царь Магмет-Кирей вскоре возвратися, а Коломне граду и Резани ничтоже успе. Того ж лета казанский царь Сап-Гирей и со всеми казанскими людьми приходил на Муромские места и на Мещерские».¹⁰⁴

Значение текста, содержащегося в хронографе, заключается, конечно, прежде всего в том, что он подрывает доверие к официальной версии летописных сводов, позволяя предположить, что они не случайно, а тенденциозно умалчивают о походе Сагиб-Гирея в 1521 г. Однако известие хронографа в то же время еще более осложняет вопрос, так как, сообщая о походе Сагиб-Гирея, оно вместе с тем изображает этот поход, во-первых, как не одновременный, не связанный с походом Мухаммед-Гирея и имевший место уже после ухода крымского хана; во-вторых, известие хронографа дает другой маршрут похода Сагиб-Гирея — не на Москву, а на Муром и Мещеру. Таким образом, при наличии текста хронографа уже нельзя решить вопрос просто *выбором* между рассказом Герберштейна и летописными рассказами официального характера, ибо, вскрывая тенденциозный характер молчания официальных сводов о походе Сагиб-Гирея, хронограф вместе с тем не подтверждает и рассказа Герберштейна. Необходимо, следовательно, какой-то дополнительный материал, который позволил бы внести ясность в противоречивую картину, создаваемую рассмотренными выше источниками.

Этот материал дает уже цитированный нами Галицкий летописец, опубликованный в приложении к исследованию Г. З. Кунцевича. Непосредственно за известиями о набегах казанских татар на город Унжу и Унженские волости в мае и июне 1521 г. (разобранными выше) в Галицком летописце помещено следующее известие: «Того же лета приходил царевич крымской и татаровя к Москве, августа во 1 день, и поплениша много волостей и сел разориша, и Рязань взяша, и многих в полон взяли и князине и боляронь много множество, а иных присекоша, а села сожгоша. А до города не доходиша за три версты и прочь поидоша. А князь великий съехал на Волок Ламской. А заставу великого

¹⁰¹ Софийская 2-я, Воскресенская, Никоновская, Львовская, Типографская летописи под 1521 г.

¹⁰² П. Милуков. Указ. соч., стр. 69.

¹⁰³ Там же, стр. 71.

¹⁰⁴ ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, стр. 518.

князя били, а нини разбежася. А мятеж учинал по всем городом велик и до Галеча».¹⁰⁵

В чем значение этого известия?

Прежде чем перейти к разбору известия Галицкого летописца по существу, необходимо выяснить один предварительный вопрос: кого имеет в виду летописец под именем «крымского царевича». Нет необходимости подчеркивать важность правильного решения поставленного вопроса. От того или иного ответа на него зависит не только понимание текста Галицкого летописца, но и всего хода войны 1521 г. Возможны два толкования термина «крымский царевич». Первое из них будет сводиться к тому, что под «крымским царевичем» автор Галицкого летописца имеет в виду крымского хана Мухаммед-Гирея, которого местный летописец по ошибке назвал вместо «царя» «царевичем». При таком толковании текста известие Галицкого летописца оказывается вполне тождественным с другими летописными рассказами о войне 1521 г. (отличаясь лишь большей конкретностью) и может служить лишним аргументом в доказательство недостоверности рассказа Герберштейна. Однако возможно и другое понимание термина «крымский царевич» в известии Галицкого летописца. Этим именем автор летописца мог назвать нового казанского хана, которым после переворота в Казани стал прибывший из Крыма царевич Сагиб-Гирей. Я полагаю, что правильным является именно такое понимание текста Галицкого летописца. В самом деле, совершенно невероятно, чтобы современник-летописец мог назвать «царевичем» крымского хана, да еще при описании одного из самых крупных походов крымцев на Русь в XVI в. Напротив, Сагиб-Гирей в 1521 г. вполне мог быть назван «крымским царевичем». В русских документах, относящихся ко времени кануна переворота 1521 г., Сагиб-Гирей фигурирует под именем «крымского царевича». Так, в уже цитированном донесении из Азова говорилось о том, что представители Казани приходили «ко царю царевича на Казань просити, и царь (т. е. Мухаммед-Гирей.— И. С.) им царевича и дал на Казань».¹⁰⁶ Незаконный способ получения ханского престола в Казани Сагиб-Гиреем лишал его в глазах русского летописца права на царский (т. е. ханский) титул, и с точки зрения московской политической мысли Сагиб-Гирей и в 1521 г. продолжал оставаться «крымским царевичем», как он и назван в Галицком летописце. Таким образом, Галицкий летописец говорит о походе Сагиб-Гирея на Москву и Рязань.

Встает, однако, законный вопрос: если в известии Галицкого летописца речь идет о походе Сагиб-Гирея, то чем объяснить тогда молчание его о походе крымцев? Объяснения этому странному, на первый взгляд, обстоятельству надо искать в самом типе Галицкого летописца. Летописец этот представляет собой типичный образец местной летописи и состоит из ряда современных записей, с 1505 по 1606 г., о событиях, связанных с Галичем и «Галической Украиной» — «нашей страной»,¹⁰⁷ как называет ее автор летописца. События общерусские почти не отражены в нем. Достаточно сказать, что в тексте летописца нет даже записи о взятии Казани. Этот факт особенно показателен, так как татарские набеги — одна из основных тем летописца. Но и записи о набегах татар делаются лишь в том случае, если район этих набегов относится к Галицкой Украине. Сказанное объясняет и характер записи о войне 1521 г. В Галицком летописце эта война нашла свое отражение не во всем ее объеме, а лишь той стороной, которая непосред-

¹⁰⁵ Г. Кунцевич. Указ. соч., стр. 602.

¹⁰⁶ Сб. РИО, т. 95, стр. 678.

¹⁰⁷ Г. Кунцевич. Указ., соч., стр. 605.

ственно касалась и задевала Галицкий микрокосм. Поэтому-то автор летописца ни слова не сказал о главном действующем лице в этой войне, о Мухаммед-Гирее, и, напротив, с исключительной полнотой и точностью записал поход Сагиб-Гирея, последствия которого докатились и до самого Галича.

Если теперь перейти к рассмотрению известия Галицкого летописца по существу, то следует прежде всего констатировать, что оно целиком и полностью подтверждает рассказ Герберштейна о войне 1521 г. В самом деле, основной факт рассказа Герберштейна, отсутствующий в русских летописях, — поход Сагиб-Гирея на Москву и Рязань — находит свое место в записи Галицкого летописца. Современный характер записи, ее подробность, точность не оставляют сомнений в ее достоверности, придавая вместе с тем достоверность и рассказу Герберштейна. Совпадает даже хронология. По Герберштейну, крымский и казанский ханы двинулись из Коломны на Москву 29 июля. По Галицкому летописцу, Сагиб-Гирей «приходил» к Москве 1 августа (что он вполне мог сделать, пройдя расстояние от Коломны до Москвы за три дня).¹⁰⁸

Значение известия Галицкого летописца, однако, не исчерпывается тем, что оно дает материал, доказывающий достоверность рассказа Герберштейна о войне 1521 г. (хотя и это одно делало бы его исключительно важным источником). Значение Галицкого летописца как источника сведений о войне 1521 г. заключается также и в том, что он единственный дает сведения о внутренней борьбе в Русском государстве во время этой войны, сообщая о том, что в 1521 г. «мятеж учинал по всем городом велик и до Галеча». При всей лаконичности этой записи она не оставляет сомнения в том, что в 1521 г. во многих городах Русского государства, в связи с нашествием татар из Крыма и Казани, начинались какие-то серьезные волнения. О характере этих волнений можно догадываться по аналогии с событиями, имевшими место несколько позднее — в 1545 г. в Гороховце, когда возмущенные неудачными действиями воевод в войне с татарами «мужики гороховцы» сами вмешались в бой и достигли больших успехов, «а воеводу Фоку Варанцова хотели гороховцы камением побить за то, что они с казанскими людьми не бились, их упустили». ¹⁰⁹ Повидимому, и в 1521 г. «мятеж велик», начинавшийся по городам Русского государства, вызван был недовольством городских «мужиков» ходом войны с татарами, в которой неудачные действия великокняжеских воевод дали возможность татарскому войску дойти до самой Москвы.

Масштабы войны 1521 г. и ее особая опасность для Русского государства объясняются тем, что в ней в качестве врагов Русского государства участвовали не только оба татарских ханства, но также и Литва. И Карамзин и Соловьев, отмечая участие в войске Мухаммед-Гирея литовского воеводы Евстафия Дашковича, почему-то не придают

¹⁰⁸ Материал Галицкого летописца дает возможность и для объяснения рассказа хронографа. Сравнивая текст рассказа хронографа с рассказом других летописных сводов, можно заметить большое сходство основной части рассказа, с тем лишь отличием, что известие о походе Сагиб-Гирея имеется в одном только хронографе. Можно думать поэтому, что хронограф, взяв в основу официальную версию, дополнил ее записью о походе Сагиб-Гирея на Муром и Мещеру. Это был, однако, не тот поход, в котором Сагиб-Гирей участвовал вместе с крымским ханом, а один из последующих набегов казанцев, — быть может, тот самый, про который Галицкий летописец сообщает непосредственно после рассказа о походе «крымского царевича» на Москву, перечисляя, однако, лишь интересующие его галицкие волости и умалчивая о других местах подвергшихся опустошению.

¹⁰⁹ ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, стр. 525—526.

этому факту серьезного значения, рассматривая Дашковича просто как атамана днепровских казаков.¹¹⁰ Карамзин даже видит особое «счастье» России, что Сигизмунд литовский не выступил в 1521 г.

Однако вряд ли можно действия Дашковича рассматривать как простую авантюру литовского атамана. Русские источники отмечают официальное положение Дашковича, называя его воеводой короля литовского. Герберштейн, в свою очередь, характеризует Дашковича как «подданного польского короля, пришедшего на помощь Махмет-Гирею с вспомогательными войсками, ибо между королем польским и князем московским тогда не было никакого перемирия». ¹¹¹ В той же роли официального лица Дашкович упоминается и в письме короля Сигизмунда Мухаммед-Гирею от 10 сентября 1522 г., посвященном переговорам о подготовке нового совместного крымско-литовского похода на Москву.¹¹² Все это заставляет признать активное участие Литвы в войне 1521 г. на стороне Крыма и Казани.

Существенным моментом в войне 1521 г. явилось также то, что противники Русского государства пытались использовать в ней в качестве своих союзников внутри Русского государства представителей феодальной оппозиции, в частности рязанского князя. Известное розыскное дело о бегстве рязанского великого князя Ивана в 1521 г. ярко рисует эту сторону в событиях 1521 г. Серьезность этой ставки Крыма и Литвы на рязанского князя подчеркивается упомянутым выше письмом Сигизмунда крымскому хану, из которого видно, что и в 1522 г. Сигизмунд и Мухаммед-Гирей не оставили плана восстановить Рязанское великое княжество, чтобы посадить туда великим князем Ивана Рязанского в качестве послушного проводника враждебной Русскому государству политики Крыма и Литвы.¹¹³

Военные действия в 1521 г. закончились в августе: «Августа 24, приде князь великий с братиею на Москву, и бысть тишина». ¹¹⁴ Столь скорый уход Мухаммед-Гирея в Крым объясняется не только стремлением избежать ответного удара со стороны русских сил, а также переправить в Крым огромную военную добычу,¹¹⁵ но и полученными

¹¹⁰ Н. Карамзин, Указ. соч., т. VII, стр. 68—70; С. Соловьев, Указ. соч., кн. 1, стр. 1632.

¹¹¹ С. Герберштейн, Указ. соч., стр. 149.

¹¹² АЗР, т. II, стр. 116.

¹¹³ АИ, т. I, № 127. Подробный разбор см. у Д. Иловайского. История Рязанского княжества, М., 1858, стр. 233—238.

¹¹⁴ ПСРЛ, т. XXIV, стр. 221.

¹¹⁵ Одним из темных мест в истории войны 1521 г. является вопрос о грамоте, данной Василием III Мухаммед-Гирею, с обязательством платить дань крымскому хану. Грамота эта данная во время осады Мухаммед-Гиреем Москвы, была затем, якобы обманом, изъята из рук хана рязанским наместником Хабаром Симским. История с этой грамотой, в которой Василий III обязался «быть вечным данником царя так же, как были его отец и предки», очень подробно изложена у Герберштейна (стр. 149—151). Еще Карамзин, ставя под сомнение правдоподобность рассказа Герберштейна тем не менее принимал его, мотивируя тем, что рассказ Герберштейна подтверждается русскими источниками (Н. Карамзин, Указ. соч., т. VII, прим. 221). Действительно, в родословной книге, найденной А. Ф. Малиновским, имеется следующий текст: «...Иван Хабар, которой на Рязани обманом взял у крымского царя грамоту, данную на великого князя, в лето 7029» (А. Малиновский, Указ. соч., стр. 229, прим.; ср. Н. Карамзин, Указ. соч., т. VII, прим. 224). Аналогичный текст содержится и в разрядной книге, опубликованной у Карамзина: «Приходил крымской царь Магмет-Гирей с сыном своим с Салтаном Богатырем под Коломну и много пакости доспел христианству; и тогда царь взял грамоту на великого князя, что ему дань давати, и тою грамоту божим милосердием взял у царя на Рязани обманом Ив. Вас. Хабар Симский» (Н. Карамзин, Указ. соч., т. VII, прим. 224). Столь полное совпадение независимых друг от друга источников действительно не дает возможности игнорировать рассказ Герберштейна, и историю

ми им известиями о нападении на Крым астраханцев, использовавших благоприятную обстановку, создавшуюся в связи с уходом из Крыма главных военных сил.¹¹⁶ Первоначальный план Мухаммед-Гирея, однако, предусматривал повторный поход на Русское государство осенью того же 1521 г.¹¹⁷ Но он не был осуществлен, как не было похода на Москву и в 1522 г., хотя правительство Василия III всю весну и лето 1522 г. ожидало возможного нападения крымцев и сосредоточило против них большие силы в Коломне.¹¹⁸ Этот перерыв в ходе активной борьбы между Крымом и Русским государством можно объяснить отчасти энергичными военными мероприятиями правительства Василия III, отчасти же изменением международной обстановки в пользу Русского государства в связи с началом переговоров о перемирии между Русским государством и Литвой. Наконец, изменению направления активной политики крымского хана способствовало и новое обострение крымско-астраханских отношений, в связи с набегом астраханцев на Крым и смертью в 1521 г. астраханского хана Джанибека.¹¹⁹ Последнее обстоятельство создало особо благоприятную обстановку для осуществления давнишнего стремления крымских ханов — подчинить своей власти Астраханское ханство. В этой обстановке становится понятной новая линия в политике Мухаммед-Гирея по отношению к Русскому государству, нашедшая свое выражение в отпуске задержанного в Крыму русского посла и посылке для переговоров с Василием III своих послов.¹²⁰

Существенным моментом в международных отношениях Восточной Европы в 1522 г. явились переговоры о союзе между Турцией и Русским государством. Начало этих переговоров связано с вступлением на престол Сулеймана I и посылкой им в Москву специального посла Скиндера с извещением о начале нового царствования в Турции и с пожеланиями сохранения дружественных отношений между Турцией и Русским государством, бывших при Селиме I.

Предложения султана о характере русско-турецких отношений в будущем были изложены в грамоте в виде формулы: «Да будет меж нас обема доброй живот и дружба; как было наперед сего при отце и при деде, так будет меж нас мир и любовь». Султан предлагал «на том бы крепко стояти и держати тот реченный мир верно. И добре так беречи и держати, чтоб один другово друг другу был, а недругу недруг был. И яз хочу по тому велми мир держати и на нем крепко стояти. И так хотим, чтоб и ты по тому же стоял, и крепок был, и мир с нами держал и приятелство».¹²¹ Правительство Василия III истолковало по-

с изъятием у Мухаммед-Гирея «данной грамоты» приходится признать одним из ранних успехов русской дипломатии XVI в. Однако содержание этой грамоты остается все же загадочным.

¹¹⁶ Н. Карамзин. Указ. соч., т. VII, прим. 223: «Пришло на Крым Азороканцов три станицы... и с Крымских улусов поймали есырю и верблюдов, и иного животу несть числа» (Турецкие дела, № 1, л. 192).

¹¹⁷ Там же, прим. 230: «А Крымской царь пришел из твоей земли к себе в Перекоп, и велел по три торги у себя в Перекопи, и в Крыме, и в Кафе кликати, чтобы князи и мурзы и татарове были готовы все, а кони б тучны, а хочет итти сего те осени на твою землю» (Турецкие дела, № 1, л. 194).

¹¹⁸ П. Миллюков. Указ. соч., стр. 72—74: «Лета 7030 князь великий Василей Иванович всея Руси приговорил с своею братьею и з бояры: быть ему самому на Коломне и з братьею... А с Коломны князь великий пошел к Москве за пять день до Петровы памяти чудотворцовы; а после себя оставил на Коломне брата своего князя Андрея Ивановича».

¹¹⁹ Н. Карамзин. Указ. соч., т. VII, прим. 223: «А царя Азороканского Ченибека не стало, а иного царя в Азорокани по ся места еще не ведаем» (Турецкие дела, № 1, л. 192).

¹²⁰ А. Малиновский. Указ. соч., стр. 233—234.

¹²¹ Б. Дунаев. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. прилож., М., 1916, стр. 35.

слание Сулеймана I как предложение о формальном союзе между Турцией и Русским государством и, в свою очередь, в переговорах с турецким послом выдвинуло предложение о том, чтобы этот союз был оформлен в виде договорных (шертных) грамот, содержащих обязательства обеих сторон. Однако Скиндер заявил, что он не имеет полномочий по вопросу о шертных грамотах.¹²² Тогда правительство Василия III приняло решение о посылке специального посла в Турцию, которым был назначен И. С. Морозов.¹²³ Целью миссии Морозова являлись переговоры о заключении формального союза с Турцией путем обмена шертными грамотами между Сулейманом I и Василием III. Переговоры Морозова в Константинополе, однако, не дали никаких результатов.¹²⁴ Частично это объясняется тем, что к тому времени, когда И. С. Морозов прибыл в Константинополь (27 августа 1523 г.), уже развернулись события в Астрахани, Крыму и Казани (см. ниже), но главную причину безрезультатности переговоров о русско-турецком союзе надо искать в коренных противоречиях между Русским государством и Турцией в их отношениях к татарским государствам Восточной Европы: Казани, Астрахани и Крыму.

Выгоды, которые усматривали московские дипломаты от заключения союза с Турцией, заключались в том, чтобы использовать Турцию в качестве силы, нейтрализующей агрессивную политику по отношению к Русскому государству, проводимую Крымом. Взамен этого правительство Василия III готово было оказать поддержку Турции в борьбе с Литвой, отношения с которой у Русского государства оставались враждебными, несмотря на заключенное в 1522 г. перемирие.¹²⁵ При всей несомненной выгоде такого союза для Русского государства дипломатический план этот надо признать совершенно нереальным, ибо он был построен на ошибочном предположении о наличии враждебных отношений между Турцией и Крымом, в то время как эти враждебные отношения в значительной степени связаны были персонально с Мухаммед-Гиреем и носили преходящий характер. Напротив, в основе отношений между Турцией и Крымом лежал факт вассальной зависимости Крымского ханства от Турецкой империи, и Турция рассматривала Крым как одну из своих важнейших опорных позиций в Восточной Европе. Естественно, что Турция никак не могла согласиться на союз с Русским государством, направленный против Крыма. Поэтому все попытки правительства Василия III добиться от Сулеймана I шертной гра-

¹²² Там же, стр. 41.

¹²³ И. С. Морозов был отпущен в Турцию 30 марта 1523 г. (Б. Дунаев. Указ. соч., прилож., стр. 53). Однако грамоты Василия III Сулейману I, посланные с И. С. Морозовым, датированы апрелем 1523 г. (там же, стр. 44).

¹²⁴ Отчет Морозова о переговорах в Константинополе см. у Б. Дунаева, прилож., стр. 69—70.

¹²⁵ Цели, которые преследовало правительство Василия III в переговорах о союзе с Турцией, устанавливаются из следующего места наказа И. С. Морозову: «И нечто учнут о том Ивана пристайно спрашивать, кто паки недрузи государю вашему, и Ивану говорити: «Ведомо и вам: Менли Гирей царь крымской государю нашему был друг, а и сын его Магмед-Гирей царь государю нашему также друг был. И ныне Магмед-Гирей царь государю нашему учинился недругом. А и иные государю нашему недруги есть и друзи его...» И нечто взмолвят: «Государь наш с великим князем на Крымского будет заодин и помочи ему на крымского учинит. А государю нашему недруг литовской, — и князь великий со государем нашим на литовского будет ли заодин?» — И Ивану говорити: «...Коли учинится салтан со государем нашим в дружбе и в братстве, и государь наш на всех недругов с салтаном будет заодин. А султан бы также со государем нашим на всех недругов был заодин» (Б. Дунаев. Указ. соч., прилож., стр. 48—49. Курсив мой.—И. С.). Ср. характеристику дипломатического плана Московского правительства, даваемую Дунаевым (стр. 18—19).

моты, содержащей обязательство о союзе и дружбе, оставались безуспешными.¹²⁶ Напротив, новое обострение международной обстановки в 1523 г. оказало свое влияние и на русско-турецкие отношения, которые все больше и больше изменяются в направлении нарастающей враждебности между этими государствами.

Кризис в международных отношениях государств Восточной Европы в 1523 г. был вызван попыткой Мухаммед-Гирея осуществить широкие завоевательные планы, целью которых являлось подчинить Крыму Астраханское ханство и таким образом (принимая во внимание захват власти в Казани Сагиб-Гиреем еще в 1521 г.) объединить все татарские государства Восточной Европы под верховенством Крымского ханства.

Ход событий оказался, однако, совсем иным, чем это предполагал крымский хан, и привел к существенным изменениям в международной обстановке Восточной Европы, создав, между прочим, предпосылки для активизации политики Русского государства по отношению к Казанскому ханству.

Весной 1523 г. Мухаммед-Гирею удалось, опираясь на поддержку ряда ногайских князей, захватить Астрахань, изгнав оттуда хана Хуссейна.¹²⁷ Это был крупный политический успех, ибо с утверждением в Казани Сагиб-Гирея и захватом Астрахани все татарские государства оказывались объединенными под верховенством крымских Гиреев, опиравшихся, в свою очередь, на Турецкую империю. Последствия победы Мухаммед-Гирея обнаружились, можно сказать, немедленно — в форме открытого выступления против Русского государства со стороны Сагиб-Гирея, организовавшего новое массовое избиение русских купцов в Казани, также и убийство русского посла в Казани В. Ю. Поджегина.¹²⁸ Однако успех крымского хана оказался очень непрочным. Противоречия между ногайскими феодалами и Крымским ханством были слишком значительны, и распространение сферы влияния Крымского ханства на Астрахань не ослабляло, а, напротив, еще более обостряло их. Пробывание же Мухаммед-Гирея в Астрахани создавало благоприятную обстановку для нападения на крымского хана. Эта обстановка и была использована ногайскими князьями. В результате внезапного нападения Мухаммед-Гирей был убит, и уничтожена также была и значительная часть войска, находившегося с ним в Астрахани.¹²⁹ Разгром крымцев в Астрахани сопровождался походом ногайцев в Крым, причем «бог пособил нагаем», как сообщал в письме Василию III азовский бек, «и достал силу крымскую побили». Опустошение Крыма ногайцами продол-

¹²⁶ В свете всего хода переговоров между Турцией и Русским государством в 1522—1523 гг. декларацию о союзе и дружбе между этими государствами, содержащуюся в грамоте Сулеймана I, привезенной Скиндером, приходится рассматривать как чисто формальное и ни к чему не обязывающее заявление.

¹²⁷ О походе на Астрахань Мухаммед-Гирея говорят как русские, так и восточные источники (см. ПСРЛ, т. XIII, стр. 43; т. XXIV, стр. 220—221; А. Малиновский. Указ. соч., стр. 234; В. Смирнов. Указ. соч., стр. 392).

¹²⁸ ПСРЛ, т. XIII, стр. 43.

¹²⁹ Наиболее подробное описание событий в Астрахани, связанных с убийством Мухаммед-Гирея, содержится в донесении русского посла в Крым И. А. Колычева (А. Малиновский. Указ. соч., стр. 235), а также в грамоте азовского бека Василию III (Б. Дунаев. Указ. соч., прилож., стр. 57). Из русских летописей больше всего подробностей сообщает Типографская летопись, упоминающая имя князя Мамаю (ПСРЛ, т. XXIV, стр. 221). Восточные источники, в частности история Крымского ханства Мухаммед-Ризы («Семь плавет в известиях о царях татарских»), содержат интересные данные о разногласиях между самими крымцами в Астрахани, в результате которых часть войска Мухаммед-Гирея самовольно ушла из Астрахани в Крым, ослабив этим Мухаммед-Гирея и облегчив ногайцам нападение (В. Смирнов. Указ. соч., стр. 392—393).

жалось целый месяц: «Из гор, из лесов волочили жены и дети и живот весь выгнали».¹³⁰

Крах астраханской политики Мухаммед-Гирея имел своим последствием кроме разорения Крыма ногайцами длительную феодальную усобицу, вызванную борьбой за власть крымских феодалов и, в свою очередь, использованную Турцией для укрепления своего политического влияния в Крыму. Захвативший власть после убийства Мухаммед-Гирея Азы-Гирей, провозгласивший себя крымским ханом, не был признан турецким султаном, пославшим в Крым одного из царевичей, принадлежавших к враждебной Мухаммед-Гирею группировке — Сеадет-Гирея. Опираясь на прибывшее с ним турецкое войско, Сеадет-Гирей предал казни Азы-Гирея и расправился с враждебно настроенными по отношению к нему крымскими князьями и мурзами.¹³¹

В области внешнеполитических отношений действия Сеадет-Гирея вытекали и определялись той исключительно сложной для Крымского ханства международной обстановкой, которая сложилась в 1523 г. События в Астрахани требовали скорейшего урегулирования отношений с Астраханским ханством; не менее остро стоял вопрос о борьбе с ногайскими князьями, продолжавшими угрожать нападением на Крым; столь же реальной была опасность и со стороны Литвы. Наконец, продолжал сохранять свое первостепенное значение для Крымского ханства вопрос казанский и тесно связанный с ним вопрос об отношениях с Русским государством.

Немедленно по воцарении Сеадет-Гирей направляет посла в Астрахань с предложением «о смирении и братстве».¹³² Этот акт нового крымского хана отразил существенные изменения в политике Крымского ханства по отношению к Астрахани. Необходимость такого крутого поворота в политике Крымского ханства — от политики борьбы за подчинение Астрахани к политике соглашения с ней — диктовалась стремлением использовать Астрахань как союзника в борьбе против ногайцев. Обстановка в самой Астрахани способствовала такому сближению. Дело в том, что набеги ногайцев представляли и для Астрахани очень серьезную угрозу. Убийство Мухаммед-Гирея и разгром крымцев в Астрахани в 1523 г. были произведены ногайцами во главе с князем Мамаем, без участия и договоренности с бежавшим из Астрахани ханом Хуссейном, причем планы ногайцев не исчерпывались избиением крымцев, а предусматривали также полное уничтожение и Астрахани, которую они собирались «раскопать».¹³³ Хуссейну удалось вернуться в Астрахань только после ухода оттуда ногайцев, бросившихся

¹³⁰ Б. Дунаев. Указ. соч., прилож., стр. 57.

¹³¹ События в Крыму подробнее всего описывает в своем донесении Василию III Азовский бек: «...Сел был на царстве Казы-Гирей салтан. И твоему, государь, брату, Сюлемен царю, весть пришла, что царя крымского убили и сила побита, и Перекопь разорена, а на царстве сел Казы-Гирей салтан. И брат твой, Сюлемен царь, послал своего салтана Саидет-Гирея на царство. И Саидет-Гирей салтан приехал в Кафу. И Казы-Гирей салтан, насаженной на царство, приехал в Кафу ж к Саидет-Гирей салтану и Бибей салтан. И по приказу брата твоего, Сюлемена царя, Саидет-Гирей салтан велел новому царю Казы-Гирею салтану головы стять (т. е. срубить). Б. Дунаев принял это слово за ошибку в тексте и исправил на «снять». — И. С.). А Бибей-салтана и Чобан-салтана поймал да оковал и Абдурахмана бия оковал же, и иных многих князей и мирз переимал да и послал ко Царю-Граду... кто не станет слушати нового царя Саидет-Гирея, — велел брат твой, Сюлемен-царь, на кол бити и пластати. А прислал государь наш из Царя-Града 20 000 конной силы да 500 пищальников, побережи нового царя, доколе укрепитца» (Б. Дунаев. Указ. соч., прилож., стр. 57). Сеадет-Гирей прибыл в Кафу 12 июня 1523 г. (А. Малиновский. Указ. соч., стр. 236).

¹³² Б. Дунаев. Указ. соч., прилож., стр. 57.

¹³³ Там же, стр. 58.

в погоню за крымцами.¹³⁴ Таким образом, Хуссейн был заинтересован в поддержке со стороны крымцев не менее, чем крымский хан — в поддержке астраханцев.

Отправляя своего посла в Астрахань, Сеадет-Гирей сразу же выдвигал перед астраханским ханом и конкретный план борьбы с ногайцами. Он заключался в том, чтобы запереть перешедших Дон ногайских мурз на правом берегу Дона и разбить их там, отрезав им путь отступления за Дон. При этом активные действия по разгрому ногайских сил должны были быть осуществлены Крымом при поддержке турецкого войска; на долю же астраханского хана должна была пасть задача не пускать ногайцев «за Дон на свою сторону на Астраханскую». ¹³⁵ Другой важнейшей составной частью плана крымского хана являлось использование в борьбе с ногайцами внутренней борьбы между ногайскими феодалами и привлечение отдельных ногайских князей в качестве союзников. План Сеадет-Гирей предусматривал привлечение в качестве союзника в борьбе с князем Мамаем одного из виднейших ногайских князей — Агиш-бея, хотя и бывшего одним из активных участников убийства Мухаммед-Гирей,¹³⁶ но находившегося во враждебных отношениях с Мамаем. Поэтому одновременно с посылкой посла к астраханскому хану, «с теми же речью», т. е. с предложением дружбы, был направлен посол и к Агиш-бею, от которого Сеадет-Гирей требовал, чтобы он «нагайских мурз не перепустил за Волгу».¹³⁷

Заинтересованность астраханского хана в борьбе с ногайцами сказалась в том, что уже в июле 1523 г. в Крым прибыл его посол с согласием хана Хуссейна на совместную борьбу против Мамаея и с сообщением о том, что и Агиш-бей также готов идти на Мамаея. Непременным условием в борьбе с Мамаем хан Хуссейн ставил, однако, участие в ней крымского войска: «А не пойдешь ты, Саидет-Гирей царь, на Мамаея, ино и нам с Агишем не бывати на Мамаея: нам одним с ним неким стати».¹³⁸

Столь категорическое требование астраханского хана объясняется тем, что ему, несомненно, была хорошо известна обстановка в Крыму и, в частности, положение самого крымского хана. Политическая обстановка в Крыму действительно находилась в резком противоречии с широтой агрессивных планов Сеадет-Гирей. Еще в том сообщении из Азова в Москву, в котором содержится известие о посылке Сеадет-Гирейем послов в Астрахань и к Агиш-бею, дается весьма скептическая оценка насчет реальности крымского плана: «Саидет-Гирей царь, кровь разыскивая брата своего, царя крымского, и Богатырь салтана, а надеятца на силу на отманского: и на то, государь, грозу пушают. А нагайские мурзы, государь, на те грозы и не смотрят».¹³⁹ Информатор Василия III иллюстрировал свою оценку положения в Крыму ссылкой на то, что даже из Крыма до Азова послы Сеадет-Гирей должны были ехать морем: «полем, государь, не смели ехать: от нагаи не проехать».¹⁴⁰ Во втором своем донесении — об ответном посольстве астраханского хана — тот же азовский осведомитель московского правительства дает еще более определенную и вместе с тем резкую оценку

¹³⁴ Донесение азовского бека: «Усейн царь в Азсторохань въехал и сел на своем юрте без ногаи» (Б. Дуняев. Указ. соч., прилож., стр. 58).

¹³⁵ Там же, стр. 57.

¹³⁶ Об участии Агиш-бея в убийстве Мухаммед-Гирей см. А. Малиновский. Указ. соч., стр. 234.

¹³⁷ Б. Дуняев. Указ. соч., прилож., стр. 57.

¹³⁸ Там же, стр. 58.

¹³⁹ Там же, стр. 57.

¹⁴⁰ Там же, стр. 58.

положения в Крыму. Изложив план Хуссейна и его требование к Сеадет-Гирейю, автор донесения дает к нему следующий комментарий: «А крымскому, государь, царю стати неким и почати нечим, а надеется, государь, крымской царь на царя отманского. Ино, государь, и отманскому ему не пособити, — самому от любово боронитися, а земля, государь, дальняя».¹⁴¹

Эта оценка положения в Крыму целиком подтверждается донесениями московских послов в Турцию и Крыму — Морозова и Колычева, полученными московским правительством весной 1524 г.; донесения эти дают возможность достаточно полно охарактеризовать положение в Крыму в начале царствования Сеадет-Гирейя. Положение в Крымском ханстве в 1523—1524 гг. характеризуется прежде всего острой внутренней борьбой феодальных группировок и родов. Воцарение Сеадет-Гирейя, посаженного на ханский трон силой турецкого войска и имевшего в своем распоряжении корпус турецких янычар, имело своим последствием сильное недовольство Сеадет-Гирейем со стороны крымских князей: «А про крымского царя Миша и Сабака (гонцы русских послов. — И. С.) сказывают, что его князи все не любят и у него не живет никто из князей, а все живут по своим улусом, а живут у него все янычане. А князи его не любят того деля, что живет с турецкого обычая и слушает янычан, а от янычан крымцом великая сила и нечесть чинится. А по князей царь коли пошлет, и они к нему иногда поедут, а иногда не едут...»; ¹⁴² «а близко у царя ни один князь не живет».¹⁴³ Как видно из приведенного текста, недовольство князей ханом вызывалось прежде всего тем, что Сеадет-Гирей правил «по турецкому обычаю», опираясь на янычар и не считаясь с крымской феодальной знатью, рассматривавшей действия янычар, как «великую силу и нечесть», т. е. насилие и бесчестье. При этом недовольство крымской знати Сеадет-Гирейем принимало столь острые формы, что крымские князья фактически почти не признавали над собой власти хана, отсиживаясь в своих феодальных владениях («улусах») и не считая себя обязанными являться порой даже на прямой ханский вызов.

В этой обстановке острой внутренней борьбы, естественно, усиливалась угроза нападения извне, — прежде всего со стороны ногайцев. Посольские донесения ярко рисуют эту сторону крымских дел: «А ногаи, сказывают, крымцы добре боятся и сторожи у них на поле великие; зиму всю стерегли крымцы на поле расставясь по дорогам, пятьсот человек, переменяясь по месяцем. А людем царь не велел разъезжаться. А говорят так, что будто царь хочет литовские земли воевати. А Миша с товарицы говорит, что им не мочно идти воевати: люди худы и пеши добре. Большое деи боится царь и крымцы ногайского приходу: того деля людем не велел разъезжаться».¹⁴⁴ Таким образом, от летних планов 1523 г. — разгрома ногайцев объединенными крымско-астраханскими силами — к концу этого же года и к началу 1524 г. не осталось и следа, и их пришлось заменить мероприятиями совсем иного рода: усиленной «обороной» Крымского ханства от возможного «ногайского приходу», страх перед которым заставил крымского хана в течение всей зимы 1523/24 г. держать свои силы мобилизованными, не считаясь даже с тем обстоятельством, что «люди худы и пеши добре».

Угроза «ногайского приходу» на Крым была вполне реальна, и она была тем серьезнее, что враждебно настроенные по отношению к Крымскому ханству ногайские князья, в свою очередь, проявляли весьма

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Там же, стр. 61.

¹⁴³ Там же, стр. 62.

¹⁴⁴ Там же, стр. 61.

активную деятельность по организации антикрымской коалиции путем союза с Литвой. 15 февраля 1524 г. в Крым прибыл специальный гонец от валахского воеводы, сообщивший Сеадет-Гирею о секретных переговорах между ногайскими мурзами и литовским королем: «Нагайские деи мырзы, Агыш з братьею, присылали посла к литовскому королю о том, чтоб им король отдал Ашихмата, царя Большие орды: «И только деи нам отдаш Шахмата, и царь деи да и мы будем с тобою в крепкой дружбе и пойдем на Крымскую орду заодин: король пошли к Очакову судовую рать, а Шахмет царь пойдет к Перекопи и х Крыму, да крымскую орду разорим, а города деи царю ненадобе; а Очакова и Ислама поступитца тебе, королю, а чтоб деи нашего недруга да твоей, Крымской орды, меж нас не было». И король де Шахматца царя нагайским мырзам отдал». ¹⁴⁵ Таким образом, тот самый Агиш-бей ногайский, в союзе с которым Сеадет-Гирей и Хуссейн астраханский собирались разгромить ногайского князя Мамаю, оказывается в роли вдохновителя и организатора грандиозного плана полного уничтожения Крымского ханства, разорения крымских городов и восстановления на его развалинах Большой орды во главе с ханом Шиг-Ахметом. При этом участие в борьбе против Крыма литовского короля обеспечивалось, по плану Агиш-бея, во-первых, выгодами от уничтожения Крымского ханства, трактуемого в плане Агиш-бея как общий враг и ногайцев и Литвы, а во-вторых, уступкой Литве городов Очакова и Ислама. Несмотря на то, что реализовать этот план Агиш-бея не удалось, союз ногайских мурз с Литвой обошелся Крыму очень дорого. Весной 1524 г. 80-тысячная литовская армия под командованием Дашковича и Острожского вторглась на территорию Крымского ханства и разорила Очаков, имея притом намерение двинуться и на Перекоп. ¹⁴⁶

Столь тяжелое положение Крымского ханства объясняется не только ослаблением его боеспособности в результате астраханской резни весной 1523 г. и острой внутренней борьбой феодальных групп. Существенное значение здесь имело также и то, что основная сила, на которую опирался Сеадет-Гирей, — Турция — не могла оказать действительной поддержки Крыму в результате, во-первых, напряженного международного положения Турции, а во-вторых — внутренней борьбы в самой Турции, вспыхнувшей с особой силой как раз в этот момент. Московские дипломаты, с особым вниманием следившие за положением в Турции, тщательно отмечают ход борьбы Сулеймана с Венецией и Венгрией, равно как и угрозу нападения на Турцию со стороны Персии, чего особенно опасался турецкий султан. ¹⁴⁷ Столь пристальное внима-

¹⁴⁵ Б. Дунаев. Указ. соч., прилож., стр. 70.

¹⁴⁶ Там же, стр. 71.

¹⁴⁷ Так, посол И. С. Морозов в своем донесении Василию III весной 1524 г. дал следующую характеристику международного положения Турции: «А Родос, сказывае, салтан как взял, так и ныне за ним, а людей в городе урядных своих учинил. А тутошние люди остались в Родосе молодые, а лутчие люди все из Родоса выехали. А которые люди тогда из Родоса выехали, коли салтан Родос взял, и те деи ныне люди поставили против Родоса другой город на острове крепок, сказывают, добре, а люди к ним многие збираютца в тот город. А Бел-Город... ныне за салтаном, а живет в нем Пергат-паша. Да был деи бой Пергат-паше с угорскими людьми. И угорские деи люди у Пергат-паши туретцких людей много побии. А одолел их Пергат-паша...» Султан послал новое войско «под новой городок под Венецкой, что поставили его против Родоса. А Кизилбашева приходу... салтан добре на себя бонся. А Кизилбаш деи на салтана наряжается. Да и посла своего Кизилбаш к салтану прислал... А приказал деи к салтану Кизилбаш: «Не поступишья мне тех городов, что отец твой у меня понмал,— и яз деи иду твоей земли воевати». В заключение посол сообщал, что, по слухам, «салтан Кизилбашу тех городов поступился, которые у него цинмал отец его Салим шах Салтан» (Б. Дунаев. Указ. соч., прилож., стр. 60).

ние к Турции со стороны московской дипломатии объяснялось, конечно, важностью правильной оценки того, насколько реальна и в какой мере и степени возможна поддержка Крыма Турцией в данный момент. Оценка положения, сделанная московскими дипломатическими агентами еще летом 1523 г., была благоприятна для Русского государства: «Надеется, государь, крымской царь на царя отманского. Ино, государь, и отманскому ему не пособити,— самому от любово боронитися». ¹⁴⁸ Дальнейший ход событий подтвердил правильность этого прогноза. Как раз в самый напряженный момент для Крымского ханства, весной 1524 г., Сулейман вынужден был послать в Крым специального гонца с рекомендацией крымскому хану, чтобы он «жил бережно, и князем бы еси своим и мурзам и татаром никакову человеку отъезжать не велел, а во Царе деи ныне Городе велика деи ныне замятня: от турецкого деи салтана отложила Мисюрь (Египет.— И. С.) и всех деи городов и пригородков мисюрских отложило от салтана 68 городов». ¹⁴⁹

Такое положение в Турции делало расчет на турецкую помощь Крыму настолько нереальным, что крымские политики не считали нужным скрывать этого даже от московских дипломатов. Так, один из крымских князей — Булгак — в разговоре с возвращавшимся из Турции послом И. С. Морозовым откровенно заявил ему: «Турской де и нынеца писал к нашему государю, чтоб царь пошел на литовского короля: «А будет деи у тебя людей мало,— и яз к тебе людей пришлю», и салтану деи нынеца к нашему государю людей послати своих нельзя: и самому деи ему недосуг. Взял был салтан фрязской город Родос, и ему нынеца с фрязы великая брань, да еще ему с Мисюрью нынеца ж страшная великая брань». ¹⁵⁰ Результаты такого положения в Турции сказались на Крыме и очень скоро и очень ощутительно. И. С. Морозов беседовал о турецких делах с князем Булгаком 1 апреля 1524 г., а уже 5 апреля он получил известие о разорении литовцами Очакова и о походе их на Перекоп. ¹⁵¹

Достаточно напряженным, хотя и не столь острым, как в Крыму, было положение и в Астраханском ханстве. В начале 1524 г. Астрахань вновь подверглась нападению князя Мамаю, осаждавшего город в течение семи дней. Правда, на этот раз астраханцам удалось отбить нападение ногайского князя, причем активную роль в защите Астрахани от Мамаю сыграл живший там один из сыновей Мухамед-Гирея — царевич Чебан, бежавший из Крыма после прихода к власти Сеадет-Гирея. ¹⁵²

К лету 1524 г. Сеадет-Гирею удалось добиться временного улучшения отношений с ногайцами путем обмена послов. ¹⁵³ Изменение к лучшему положения Крымского ханства было немедленно использовано Сеадет-Гиреем для организации похода на Литву. ¹⁵⁴ Это улучшение дел в Крыму, однако, оказалось лишь краткой передышкой в развитии кризиса, переживавшегося в это время Крымским ханством. Осень 1524 г. ознаменовывается новой острой вспышкой борьбы за власть, в которой в роли претендента на ханский престол выступает один из сыновей Мухаммед-Гирея — царевич Ислам-Гирей. ¹⁵⁵ Попытка Сеадет-Ги-

¹⁴⁸ Там же, стр. 58.

¹⁴⁹ Там же, стр. 70—71.

¹⁵⁰ Там же, стр. 71.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Там же, стр. 62.

¹⁵³ А. Малиновский. Указ. соч., стр. 243.

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Там же. Царевич Ислам-Гирей был в 1523 г. захвачен в плен князем Мамаем. Из плена ему удалось бежать во время второго похода Мамаю на Астрахань (см. Б. Дунаев. Указ. соч., прилож., стр. 63).

рея устранить опасного противника путем его убийства оказалась безуспешной и лишь вызвала открытый мятеж Ислам-Гирей против хана, причем Ислам-Гирей был поддержан крымской феодальной знатью, недовольной Сеадет-Гиреем, и провозглашен ханом, а Сеадет-Гирей оказался осажденным в Перекопе в продолжение трех месяцев (октябрь — декабрь 1524 г.).¹⁵⁶ Подавить мятеж Сеадет-Гирею удалось лишь при помощи заключения союза с Сагиб-Гиреем, которого Сеадет-Гирей был вынужден по окончании мятежа провозгласить своим наследником, с присвоением ему титула калги.¹⁵⁷

Другим выводом, который был вынужден сделать Сеадет-Гирей из положения, в котором находилось Крымское ханство, явилось его решение улучшить отношения с Русским государством, что нашло свое выражение в даче Сеадет-Гиреем 18 февраля 1525 г. новой шерстной грамоты Василию III.¹⁵⁸

Исключительные по своей насыщенности события в истории Крыма и Астрахани 1523 и последующие годы явились временем весьма существенных событий и перемен и для Казанского ханства.

Действия Сагиб-Гирей в Казани против Русского государства весной 1523 г. вызвали ответное мероприятие со стороны Василия III в виде похода на Казань, в котором принял участие и сам великий князь.¹⁵⁹ Итогом похода была постройка на реке Суре, на территории, принадлежавшей Казанскому ханству, крепости Василь-города. Строительству этой крепости правительство Василия III придавало очень большое значение, рассматривая ее как опорную базу для дальнейшей борьбы против Казанского ханства.¹⁶⁰ Борьба Русского государства с Казанью и на этом ее этапе характеризуется активным вмешательством в нее Крымского ханства и Турции. Активность Крыма в казанском вопросе проявилась уже в первые же месяцы царствования Сеадет-Гирей. В грамоте к Василию III, извещавшей его о своем вступлении на престол, Сеадет-Гирей одновременно требовал от московского великого

¹⁵⁶ А. Малиновский. Указ. соч., стр. 243—244.

¹⁵⁷ Там же, стр. 244—245. Сагиб-Гирей находился в Крыму после бегства из Казани.

¹⁵⁸ Текст шерстной грамоты от 18 февраля 1525 г. опубликован А. Малиновским в приложении к его исследованию, стр. 415—417.

¹⁵⁹ ПСРЛ, т. XIII, стр. 43—44. В официальной разрядной книге поход 1523 г. не отмечен, так как разряды за 7031 (1522—1523) г. там вообще отсутствуют (см. П. Миллюков. Указ. соч., стр. 73—74). Описание похода 1523 г. имеется и у Герберштейна (стр. 152).

¹⁶⁰ Официальная оценка значения строительства Василь-города содержится в наказе послу Русского государства в Литву Г. Д. Загрязскому (февраль 1524 г.): «Государь наш ходил на свое дело на своего недруга, и пришед стал в Новгороде Нижнем, а брата своего Шигалея царя и воевод своих со многими людьми посылал казанские земли воевать, а на казанской земле близко Казани, на Суре, велел город поставити того дела, чтоб ему ближе из того города с Казанью свое дело делати, людем бы его ближе ходити к Казани; и ныне в тот город из Казани многие люди пришли на государя нашего имя» (Сб. РИО, т. 35, стр. 682).

Как известно, в политических кругах Русского государства постройка Василь-города получила резко противоположные оценки в рядах сторонников Василия III и в кругах боярской оппозиции. Митрополит Даниил воздавал Василию III «великую хвалу» за то, «что город поставил, тем деи городом всю землю Казанскую возмет» (ААЭ, т. I, № 172). Напротив, выразитель взглядов боярских кругов Берсень-Беклемишев дал резко отрицательную оценку походу 1523 г. и постройке Василь-города: «...Почто князь велики ходил в Новгород? поставил на их стороне лукно (т. е. лукошко, как Берсень иронически называет новую крепость.— И. С.), ино как ся с ними помирити? как Смоленск жо город взял, а люди тамо, ино нелзе миру быти;— и поставити было город, ино было поставити на своей стороне, ино бы лзе и миру быти» (там же). В новой крепости был сразу же оставлен сильный гарнизон: «А в городе на Суре остались воеводы князь Александра Иванович Стригин, да Василий Салтыков, да Михайло Бакеев, а с ними многия люди» (ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, стр. 519).

князя не посылать на Казань войска и быть в дружбе с Сагиб-Гиреем.¹⁶¹

Поход на Казань и постройка Василь-города вызвали новые действия со стороны крымского хана. В декабре 1523 г. в Крым прибыл специальный посол от Сагиб-Гирей с требованием немедленно прислать в Казань пушки, пищали и янычар для обороны от Василия III, так как результатом постройки Василь-города будет наступление на Казань со стороны Русского государства.¹⁶² Посольство Сагиб-Гирей в Крым свидетельствовало о серьезности удара, нанесенного Казанскому ханству постройкой крепости на Суре. Обстановка, бывшая в Крыму, не давала, однако, возможности Сеадет-Гирею военной поддержки Казани в ее борьбе с Русским государством. Поэтому Сеадет-Гирей пытается оказать помощь Сагиб-Гирею дипломатическим путем — обращением к Турции, чтобы Сулейман I оказал давление на Русское государство, заставив этим Василия III отказаться от борьбы против Казанского ханства.¹⁶³ Другим мероприятием Сеадет-Гирей явилась посылка новой грамоты Василию III (с проезжавшим через Крым турецким послом Скиндером) с требованием отказа от борьбы против Казани, обуславливая принятием этого требования сохранение дружественных отношений Крыма с Русским государством.¹⁶⁴ Эффективность этих дипломатических шагов Крыма была, однако, весьма незначительна, так как правительство Василия III категорически отклоняло требования крымского хана о примирении с Сагиб-Гиреем, провозглашая вместе с тем свое право «сажать на Казань» ханов.¹⁶⁵

Угрожающая обстановка, создававшаяся для Казанского ханства к началу 1524 г., и безрезультатность обращения за помощью к Крыму вызвали со стороны Сагиб-Гирей шаг исключительно важного значения, выразившийся в том, что весной 1524 г. Сагиб-Гирей посылкой специального посольства в Турцию формально признал себя вассалом турецкого султана, «заложившись» за него и объявив Казанское ханство «юртом» Сулеймана I.¹⁶⁶ Установление вассальной зависимости Казанского ханства от Турции означало серьезное осложнение для Русского государства в борьбе с Казанью, ибо посылка войска на Казань могла теперь рассматриваться как враждебный акт, направленный против Турецкой империи. Вместе с тем установление вассальных отношений Казанского ханства к Турецкой империи знаменовало собой поворот в истории русско-турецких отношений XVI в. — от дружественных, какими они были во времена Селима I, к враждебным. Поворот этот определялся активизацией восточноевропейской политики Турции, которая своим провозглашением протектората над Казанью выражала стремление вы-

¹⁶¹ А. Малиновский. Указ. соч., стр. 236.

¹⁶² Там же, стр. 240.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Там же, стр. 241.

¹⁶⁵ Там же, стр. 239. В наказе послу в Крым Андрееву, отправленному в ответ на приезд посла из Крыма, говорилось: «Если царь потребует, чтоб великий князь помирился с казанским царем Саипом, то говорить: помириться нельзя, во-первых, потому, что Саип стал царем без ведома великого князя; во-вторых, потому, что посла московского и торговых людей велел убить, чего ни в одном государстве не ведется; и рати между государями ходят, а послов и гостей не убивают» (С. Соловьев. Указ. соч., кн. I, стб. 1635; Соловьев дает текст наказа в своем переводе). Вторая грамота Сеадет-Гирей, посланная с турецким послом, была возвращена последнему обратно (А. Малиновский. Указ. соч., стр. 241). На аналогичное же требование турецкого посла, уже от имени султана, послу было заявлено: «Да говорил еси нам от салтана, чтоб нам с Саип-Гиреем царевичем, которого наши изменники-казанцы нам изменив, в Казань взяли, помириться. Ино и салтану то гораздо ведомо, что изначала на тот юрт царей сажаем мы из своих рук. И мы з божиею волею и ныне хотим держатися того ж обычая» (Б. Дунеев. Указ. соч., прилож., стр. 76).

¹⁶⁶ Б. Дунеев. Указ. соч., прилож., стр. 77.

ступить в роли гегемона в системе татарских государств Восточной Европы. Эта направленность турецкой политики неизбежно должна была привести Турцию к враждебному столкновению с Русским государством, во внешней политике которого одной из важнейших задач являлось уничтожение татарских государств, возникших на развалинах Золотой Орды и угрожавших восточным и южным границам Русского государства.

Реальные результаты перегруппировки сил в международных отношениях Восточной Европы, одним из существенных моментов которой явилось провозглашение вассальной зависимости Казани от Турции, сказались, однако, лишь позднее. Обстановка в Турции в 1524 г. была такова, что (как об этом сообщали московскому правительству его агенты) султан не был в состоянии оказать реальную помощь даже Крыму, не говоря уже о далекой Казани.¹⁶⁷ Поэтому, когда турецкий посол в Москве Скиндер заявил, что «Сагиб-Гирей царь присылал ко государю нашему сее весны бити челом, а заложился за государя нашего: и то юрт государя нашего, и князь бы великий х Казани рати не посылал», — ведший с ним переговоры от имени Василия III Шигона Поджегин мог с полным спокойствием заявить: «Посылал Саип-Гирей царь к салтану, — ино то он ведает, а по изначала юрт государя нашего».¹⁶⁸ Спокойствие московского дипломата имело тем большее основание, что к моменту переговоров со Скиндером (сентябрь 1524 г.) вопрос о Сагиб-Гирее носил уже в значительной мере отвлеченный характер, ибо поход, предпринятый Василием III летом 1524 г. на Казань, привел к бегству Сагиб-Гирея из Казани в Крым и к провозглашению в Казани нового хана, Сафа-Гирея.¹⁶⁹ Таким образом, несмотря на все усилия со стороны Турции и Крыма удержать у власти в Казани Сагиб-Гирея, этого сделать не удалось. Эффект удара, нанесенного Василием III в 1524 г., отчетливо виден в реагировании Крыма на бегство Сагиб-Гирея: он был заключен в тюрьму, обвиненный в трусости.¹⁷⁰

Однако успех Русского государства в 1524 г. был менее значителен, чем он мог быть в создавшейся обстановке. Грандиозный по своим мас-

¹⁶⁷ См. выше донесение азовского бека (Б. Дунаев. Указ. соч., прилож., стр. 58).

¹⁶⁸ Там же, стр. 77.

¹⁶⁹ Русские источники — летописи — объясняют бегство Сагиб-Гирея как результат дошедших до него известий о походе русского войска на Казань (ПСРЛ, т. XIII, стр. 44). Версия Герберштейна о том, что Сагиб-Гирей, устранный подготовлявшимся походом русского войска на Казань, «убежал к турецкому императору с целью молить его о помощи и поддержке» (стр. 152), находится в противоречии с фактом заключения Сагиб-Гирея в тюрьму Сеадет-Гиреем (см. ниже), следовательно, Сагиб-Гирей бежал не в Турцию, а в Крым. Восточные источники («Семь планет») тенденциозно умалчивают о причине бегства Сагиб-Гирея из Казани (равно как и его заключение в тюрьму Сеадет-Гиреем), заявляя, что Сагиб-Гирей, «просидев пять лет на ханском троне при непрерывных мятежах и смутах, счел за благо уступить свое бескорольное место бывшему при нем племяннику своему, сыну Махмуд-Гирея, Сафа-Гирею, а сам, под предлогом благочестивого путешествия к святым местам, удалился к порогу могущества султана Сулеймана, где он и был милостиво принят» (В. Смирнов. Указ. соч., стр. 399). Наиболее вероятное, по моему мнению, объяснение причин бегства Сагиб-Гирея дается русскими источниками. Их версия находит подтверждение как в тех переговорах о помощи, которые Сагиб-Гирей вел с Крымом в 1523 г., так и в факте репрессии по отношению к нему со стороны Сеадет-Гирея. Что же касается версии Герберштейна о том, что Сагиб-Гирей бежал за помощью к турецкому султану, то, по видимому, она представляет собою осмысление и объединение в одно целое факта бегства Сагиб-Гирея и обращения его за покровительством к султану весной 1524 г., о чем Герберштейн мог узнать в Москве.

¹⁷⁰ А. Малиновский. Указ. соч., стр. 242.

штабам поход на Казань 1524 г. был в военном отношении, в сущности говоря, весьма неудачен.

Весь характер мероприятий, связанных с подготовкой похода 1524 г., свидетельствует о том, что правительство Василия III рассчитывало нанести этим походом решающий удар Казанскому ханству. Именно для облегчения достижения этой цели и был основан Василь-город, постройка которого была расценена как создание исходной точки для взятия «всей земли Казанской». Тот же характер носила и дипломатическая подготовка похода. В переговорах с Турцией правительство Василия III категорически отказывалось пойти на примирение с Казанью, заявляя, что казанский хан должен быть посажен «из рук» московского государя. К крупным событиям в Казани подготавливало правительство Василия III и Литву, заявляя (весной 1524 г.), что «и вперед государь наш своего дела не хочет оставить, а хочет его делати».¹⁷¹ Наконец, самые масштабы похода 1524 г. не позволяют рассматривать его как поход «обычного» типа. Если сообщение Герберштейна о численности войска и преувеличено, — по его словам, правда, с оговоркой («как говорят»), величина войска «доходила до 180 тысяч»,¹⁷² — то оно во всяком случае отражает впечатления современников о силах, участвовавших в походе 1524 г.¹⁷³ Данные Разрядной книги вполне подтверждают особый характер похода 1524 г. Наиболее существенным отличием состава военных сил, участвовавших в походе 1524 г., от обычной структуры московских армий в XVI в. являлась насыщенность войска артиллерией: помимо обычного «наряда», рать 1524 г. имела еще «большой наряд», причем оба наряда были подчинены воеводе Большого полка М. Ю. Захарьину.¹⁷⁴ Эта особенность состава рати 1524 г. раскрывает и цели, какие стояли перед нею. Большая артиллерия везлась, конечно, для штурма Казани.¹⁷⁵ Так же рассматривала подготовлявшийся поход и другая сторона — казанское правительство. Обращение за помощью (в том числе за артиллерией) в Крым, вступление в вассальную зависимость от Турции, наконец, самое бегство Сагиб-Гирея — все это свидетельство того, что казанское правительство не рассчитывало на то, что ему удастся отразить удар московского войска.

Однако взятия Казани не произошло, равно как не произошло и смены хана: им остался Сафа-Гирей. Правда, он вынужден был дать шертную грамоту и признать формальную зависимость от Русского государства.¹⁷⁶ Это формальное признание Сафа-Гиреем своей зависи-

¹⁷¹ Сб. РИО, т. 35, стр. 682. Герберштейн прямо говорит, что войско было послано в 1524 г. «для покорения царства Казанского» (стр. 152).

¹⁷² С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 156.

¹⁷³ «Казанский летописец» определяет размер войска в «12 воевод..., а с ними рати 150 000» (ПСРЛ, т. XIX, стр. 34 и 247—248). Соловьев, вообще очень недоверчиво относящийся к «Казанскому летописцу», называя его «мутным источником» (История России, кн. I, стб. 1638, прим.), в данном случае, однако, отдает предпочтение его показаниям перед известием Герберштейна: «...Многочисленная рать, которую полагают во 150 000 и более» (там же, стб. 1635).

¹⁷⁴ П. Милюков. Указ. соч., стр. 74—75. Разрядная книга, в порядке местнической иерархии, помещает М. Ю. Захарьина на третьем месте среди воевод Большого полка (после князей Ф. И. Бельского и М. В. Горбатого). Но Герберштейн называет его «предводителем войска» (стр. 153, ср. стр. 152). Впрочем, самая разрядная книга, запись о том, что вся артиллерия была подчинена именно М. Ю. Захарьину, фактически подтверждает мнение Герберштейна. Башмаковская Разрядная книга делит «наряд» в походе 1524 г. на «меньший» и «большой» (В. Вельяминов-Зернов. Указ. соч., т. I, стр. 264).

¹⁷⁵ В этом отношении характерную деталь сообщает «Казанский летописец», указывая, что судовая рать плыла под Казань «з запасом и стенобитным нарядом» (ПСРЛ, т. XIX, стр. 35).

¹⁷⁶ «Казанци... добиша челом великого князя воеводам, да и шерть дали на всей воли государя великого князя» (ПСРЛ, т. XIII, стр. 44). Типографская летопись не-

мости от Русского государства официально истолковывалось московским правительством как победа и восстановление порядка, существовавшего до переворота 1521 г.¹⁷⁷ Но еще Соловьев верно заметил, что согласие Василия III на оставление Сафа-Гирея ханом было вынужденное: «Не для того посылал он такую многочисленную рать против казанцев, чтоб оставить у них царем Гирея».¹⁷⁸

Официальные летописные своды дают искаженную историю похода 1524 г., изображая его как победоносный и успешный и умалчивая о поражениях, понесенных русским войском. Поэтому для его характеристики приходится обращаться к Герберштейну, а также и к «Казанскому летописцу», рассказ которого о походе 1524 г. содержит ряд существенных деталей.

Русские силы, брошенные на Казань, были сведены в две рати: судовую (составлявшую, повидимому, главные силы, включая и артиллерию) и конную.¹⁷⁹ Судовая рать имела задачей организацию осады Казани, конная же рать должна была разбить казанское войско, двинутое навстречу русским силам. Осада Казани была начата в июле 1524 г. войсками судовой рати.¹⁸⁰ Однако она велась очень плохо, в результате чего русское войско, осадившее крепость, в свою очередь оказалось блокированным и отрезанным от путей сообщений с Русским государством, очутившись в весьма тяжелом положении вследствие действий черемисов-марийцев, не дававших русским воеводам возможности добывать продовольствие для войска.¹⁸¹ Конная рать также встретила серьезное сопротивление со стороны казанского войска, что задержало ее прибытие под Казань.¹⁸² Создавшаяся обстановка вынудила Василия III направить под Казань дополнительные силы — по Волге, под начальством кн. И. Палецкого, а также выслать к Казани разведывательный конный отряд.¹⁸³ Однако и рать Палецкого и конная разведка были разбиты по дороге к Казани черемисами-марийцами,¹⁸⁴ что еще более осложнило положение русских сил под Казанью.

Сколько иначе характеризует заключенное под Казанью соглашение: «Князь И. Ф. Бельский по великого князя наказу под Казанью с царем казанским и с князми и со всеми казанци мир вечный взял» (ПСРЛ, т. XXIV, стр. 222).

¹⁷⁷ В наказе Ф. Афанасьеву, посланному в Литву в апреле 1525 г.: «Государь наш к Казани посылал воевод своих; и лихих достав, государь наш велел казнити. А царя государь наш на Казани посадил из своих рук потому ж, как государь наш князь великий Иван и государь наш князь великий Василей сажали на Казани наперед того царей из своих рук» (Сб. РИО, т. 35, стр. 695).

¹⁷⁸ С. Соловьев, Указ. соч., кн. I, стб. 1637.

¹⁷⁹ П. Милюков, Указ. соч., стр. 74—75; ПСРЛ, т. XIII, стр. 44. «Судовая рать» и «конная рать» — термины Никоновской летописи.

¹⁸⁰ С. Герберштейн, Указ. соч., стр. 153.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² О высылке казанцами войска навстречу русским силам говорят и летописи и Герберштейн. Но в то время как в летописях ход военных действий изображается в виде одного «боя», закончившегося победой русской рати (ПСРЛ, т. XIII, стр. 44), Герберштейн говорит об упорной борьбе, в которой победе русского войска предшествовал ряд сражений с «большими потерями» для обеих сторон (стр. 155).

¹⁸³ С. Герберштейн, Указ. соч., стр. 154.

¹⁸⁴ Там же, стр. 154—155. Подробное описание разгрома русского войска на Волге черемисами-марийцами «неким ухищрением» дает «Казанский летописец»: «В теснинах бо реки тоя, в местех островных, запрудиша великим древем и каменем, и доспеша аки праги, и ту згрузившим (вариант: «згрубившимся» м. б. сгрудившимся? — И. С.) ладиям, и друга от друга сокрушахуса лодиям, х тому же спереди и сзади черемиса стужаше им стрелянием, убиванием, не пропусаючи их; и подсецаху великое древие, дубие, оскорие, и держаху на ужицах, а на лодия пушаху с высоких гор и з берегов, и уду же миновати, и погружатися от единого лодием 5 и боле с людьми и з запасом и стенобитным нарядом. Много пушек великих и малых погрязе, много людей истопша, и метяхуса сами в воду от страха» (ПСРЛ, т. XIX, стр. 35; ср. там же, стр. 248—249). Рассказ «Казанского летописца»

Вскоре, однако, обстановка резко изменилась в пользу русских, так как конной рати удалось все же разбить казанцев (на Свяге) и проваться к Казани.¹⁸⁵ Соединение русских сил дало им возможность усилить осаду Казани, положение которой стало критическим.¹⁸⁶ Однако вместо штурма Казани русские воеводы согласились на мирные предложения, сделанные казанцами, и сняли осаду.¹⁸⁷ Герберштейн, оправдывая отчасти такие действия воевод затруднительным продовольственным положением русского войска, вместе с тем сообщает слух, обвинявший князя Палецкого (к которому, повидимому, перешло главное командование соединенными силами) в том, что он «снял осаду вследствие подкупа дарами со стороны татар».¹⁸⁸ Сообщение Герберштейна не поддается проверке при помощи других источников (хотя в нем нет ничего невероятного).¹⁸⁹ Но если даже со стороны русских воевод и не было прямой измены, то, несомненно, главная ответственность за неудачу похода 1524 г. ложится именно на них, так как превосходство русских сил над казанскими было настолько очевидно, что тяжелое положение, в котором оказались под Казанью русские рати, могло создаться лишь в результате исключительно плохого руководства военными операциями со стороны русских военачальников.

Как сказано выше, правительство Василия III официально истолковывало результаты похода 1524 г. как восстановление прежних позиций Русского государства в Казанском ханстве на основе признания Сафа-Гиреем своей вассальной зависимости от Русского государства. Однако если изгнание из Казани Сагиб-Гирея (и тем самым ликвидация установленных им вассальных отношений Казанского ханства к Турции) означало несомненный и крупный успех Русского государства, то тем не менее отношения между Казанским ханством и Русским государством и после похода 1524 г. продолжали оставаться весьма напряженными, причем настолько, что, по мнению Герберштейна, даже в момент его нахождения в Москве (1526) «все еще не предвиделось никакой надежды на заключение в будущем ...мира» между Русским государством и Казанью.¹⁹⁰

несомненно представляет запись устной традиции и заслуживает поэтому доверия. Однако автор летописца ошибочно относит нападение марийцев к главным силам судовой рати. Соловьев, вопреки обыкновению, в данном случае принимает версию «Казанского летописца» и считает, что на Волге была разбита «судовая рать» (стб. 1636), включая войско И. Палецкого, вопреки Герберштейну, в состав основных сил, посланных на Казань. При этом, чтобы примирить свою схему похода 1524 г. с сообщением Герберштейна о том, что Палецкий пришел под Казань позднее Бельского, Соловьев допускает разделение в Нижнем Новгороде судовой рати на две части: «князь Бельский отправился из Нижнего Волгою на судах...; князь Палецкий, нагрозивши на суда наряд и съестные припасы, должен был плыть Волгою за главным войском» (стб. 1636). Однако ни разрядные книги, ни воспроизводящая разрядную роспись похода 1524 г. Никоновская летопись не называют кн. Палецкого в числе воевод ни судовой, ни конной ратей, посланных на Казань весной 1524 г. В то же время разрядные книги безусловно относят «наряд» именно к судовой рати, подчиняя его, как отмечено выше, не Палецкому, а М. Ю. Захарьину. Схеме Соловьева противоречит и то, что русская артиллерия безусловно была под Казанью, чего не могло бы быть, если допустить, что вся она (а не дополнительные пушки) была в рати Палецкого. Поэтому надо признать достоверной версию Герберштейна о том, что Палецкий был послан под Казань позднее — на помощь главным силам, когда отсутствие сведений о них стало вызывать беспокойство Василия III. (Кстати сказать, нельзя ли объяснить отсутствие в разрядных книгах росписи похода Палецкого именно поражением его черемисами?)

¹⁸⁵ С. Герберштейн, Указ. соч., стр. 155.

¹⁸⁶ Там же, стр. 156.

¹⁸⁷ Там же и русские источники.

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ Сам Герберштейн считал передаваемый им слух весьма вероятным (стр. 156).

¹⁹⁰ С. Герберштейн, Указ. соч., стр. 156—157; ср. стр. 146.

Лучшим показателем обостренности отношений между Русским государством и Казанским ханством после 1524 г. может служить решение правительства Василия III о «выводе» из Казани в Нижний-Новгород «торга» русских купцов. Из русских источников только два говорят об этом мероприятии Василия III. В летописном тексте, являющемся продолжением Хронографа редакции 1512 г., кратко сообщается: «А торг князь великий ис Казани вывел, а учинил торг и кабаки в Нижнем Новгороде».¹⁹¹ Редакция этого известия несколько неясна: были ли учиненные в Нижнем-Новгороде кабаки выведены вместе с торгом из Казани или основаны вновь? Гораздо более подробный рассказ о переводе торгового дела содержится в летописном отрывке за 1518—1526 гг., опубликованном М. Н. Тихомировым: «В лето 7033 князь великий Василей Иванович всеа Русии посылал к Казаньскому царю Сааддей Гирею (так здесь назван хан Сафа-Гирей.— И. С.) князя Василья Даниловича Пенькова, да с ним днака Афонасна Курицына о том, чтобы помнил свое слово, как высылал бити челом государьским великого князя воеводам князю Ивану Федоровичу Бельскому да Ивану Васильевичу Хабару князей старейшин Казаньских, чтобы царства Казанского не потребили, а в воле положили в великого князя. И царь бы велел своим гостем и всей Казанской земле торговати в Нижнем Новгороде. И царь Сааддей Гирей сотворил волю великого князя, и князь Василей Данилович и перевел торг ис Казани в Новгород в Нижней».¹⁹² В этом известии наиболее важным является указание на то, что переводу торгового дела из Казани предшествовали специальные дипломатические переговоры по этому вопросу, в которых московское правительство добивалось разрешения казанского хана «своим гостем и всей Казанской земле» торговать в Нижнем-Новгороде. Из текста рассказа следует, что Сафа-Гирей удовлетворил это требование («сотворил волю великого князя»).

Однако в действительности перенесение торгового дела в Нижний-Новгород имело своим результатом нарушение русско-казанских торговых связей. Эти последствия ликвидации казанского торгового дела специально отмечает Герберштейн, указывая, что «от подобного перенесения ярмарки Московия получила столько же невыгоды, как и сами казанцы. Ибо следствием этого явились дороговизна и недостаток в весьма многих товарах, которые привозились по Волге с Каспийского моря, из торжища Астраханского, а также из Персии и Армении».¹⁹³ Несомненно, основная цель перевода торгового дела в Нижний-Новгород заключалась в нанесении экономического ущерба Казани. Так именно истолковывает это мероприятие Герберштейн.¹⁹⁴ Вынужденный характер согласия казанского хана на перевод торгового дела в Нижний-Новгород ясно виден и из русского летописного рассказа. Такое состояние русско-казанских отношений делало неизбежным продолжение борьбы. Однако серьезные потери, понесенные в походе 1524 г., и сложная международная и внутренняя обстановка Русского государства имели своим результатом известную стабилизацию русско-казанских отношений вплоть до конца 20-х годов XVI в.

Весна и лето 1525 г. характеризуются новым кризисом в русско-крымских и русско-турецких отношениях. Активную роль в подготовке этого кризиса сыграл турецкий посол в России Скиндер, бывший в

¹⁹¹ ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, стр. 520.

¹⁹² М. Тихомиров. Новый памятник Московской политической литературы XVI века («Московский край в его прошлом», т. II. Труды Общества изучения Московской области, вып. 6, М., 1930, стр. 111—112).

¹⁹³ С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 157. Комментарий к этому известию Герберштейна см. у С. В. Рождественского. Двинские бояре и двинское хозяйство XIV—XVI вв. (Известия АН СССР, Отд. гуманитар. наук, 1929, № 2, стр. 150).

¹⁹⁴ С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 157.

Москве с июня или июля по сентябрь 1524 г.¹⁹⁵ Отпущенный в Константинополь, Скиндер, будучи проездом в Турцию в Крыму, дал ложную информацию Сеадет-Гирею о позиции Василия III по отношению к Турции, изобразив ее как враждебную.¹⁹⁶ Результатом этой ложной информации Скиндера явилась посылка Сеадет-Гиреем в Турцию специального сообщения о враждебной позиции Василия III и организация объединенного крымско-турецкого похода на Русское государство.¹⁹⁷ Источники — донесения Василию III его агентов из Азова — объясняют решение Турции и Крыма о войне с Русским государством именно ложной информацией Скиндера о характере его переговоров в Москве.¹⁹⁸ Есть, однако, основания считать, что доклад Скиндера Сеадет-Гирею не ограничивался выдуманным им рассказом о том, что московский великий князь «лаял» турецкого султана. Повидимому, свое пребывание в Москве Скиндер использовал для собирания материала о внутреннем положении Русского государства и для установления связей с враждебными правительству Василия III княжеско-боярскими кругами. Эта сторона деятельности Скиндера в Москве, естественно, была наиболее конспирирована и поэтому труднее всего поддается учету и характеристике. Тем не менее можно считать бесспорным как самый факт наличия связей Скиндера с княжеско-боярской оппозицией в Москве и с поддерживавшим эту оппозицию Максимом Греком, так и осведомленность турецкого посла в вопросе о позиции княжеско-боярских кругов по отношению к восточной политике Русского государства — позиции, характеризовавшейся острым недовольством княжеско-боярских кругов активной политикой Василия III и находившей свое выражение в резкой критике этой политики, если не в еще более острых формах борьбы.¹⁹⁹

Имея связи с Максимом Греком, турецкий посол был осведомлен и об общем положении Русского государства в этот момент и о внутриполитической борьбе в нем, еще более осложнявшей и без того напряженное положение Русского государства.

К этому надо еще добавить непримиримую позицию, занятую правительством Василия III в вопросе о Казани, выразившуюся в категорическом отклонении заявления Скиндера о притязаниях Турции рассматривать Казань как свое вассальное государство. Правительство

¹⁹⁵ Вопрос о целях миссии Скиндера 1524 г. в источниках излагается очень туманно и противоречиво. При отправке Скиндера из Константинополя представители султана («паши») объявили русскому послу И. С. Морозову, что Скиндер посылается в Москву «не посольством», а для сопровождения русского посла и для покупки в Русском государстве различных товаров (Б. Дунаев. Указ. соч., прилож., стр. 72). Но уже будучи в пути, Скиндер заявил Морозову об изменении характера его поездки: «Прислал ко мне государь мой гонца со многими грамотами, а иду ныне от государя к государю с великими делы» (там же, стр. 70). Тем не менее правительство Василия III не рассматривало его как официального посла. Однако переговоры, ведшиеся Скиндером в 1524 г., носили чисто политический характер и касались самых основных и острых вопросов русско-турецких отношений, в частности и вопроса о Казани и ее отношениях к Турции и Русскому государству. Кроме того, правительство Василия III подозревало Скиндера в наличии у него секретной миссии, заключавшейся в том, что «Скиндер послан смотреть мест на Дону стазити город» (там же, стр. 77), т. е. связывало с его приездом агрессивные планы Турции по овладению Доном (поэтому, в частности, Скиндер был отпущен в Константинополь не Доном, как он «просился», а на Путивль. Там же, стр. 77).

¹⁹⁶ Б. Дунаев. Указ. соч., стр. 82.

¹⁹⁷ Там же.

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ Об этой стороне деятельности Скиндера и вместе с тем о внутриполитической обстановке в Русском государстве во время пребывания в Москве турецкого посла см. мою статью «К вопросу о суде над Максимом Греком». «Вопросы истории», 1946, № 2—3, стр. 118—126.

Василия III противопоставило свою точку зрения — о безусловных правах московских государей на распоряжение судьбами Казани.²⁰⁰

Отчет Скиндера о своих переговорах в Москве должен был показать крымскому (а через его посредство и турецкому) правительству безусловно враждебную позицию Русского государства по отношению к Турции. Враждебность эта, несмотря на предложения русских дипломатов о союзе, определялась тем, что в восточном вопросе линии политики Турции и Русского государства были диаметрально противоположны, ибо оба государства претендовали на гегемонию в Восточной Европе. В то же время из отчета Скиндера вытекало, что налицо исключительно благоприятная обстановка для нападения на Русское государство, ослабленное неудачами в борьбе с Казанью и переживавшее острую внутривосточную борьбу.

В свете полученной от Скиндера информации решение крымского правительства о походе на Русское государство, равно как и решение Турции о поддержке этого похода посылкой крымскому хану турецкого войска для участия в походе на Москву, являются вполне закономерными, как попытка использовать благоприятную обстановку для нанесения решительного удара Русскому государству.

По своим масштабам крымско-турецкий поход должен был быть весьма крупным. По полученным московским правительством сведениям, численность турецкого войска, которое должно было участвовать в походе, составляла от 15 тыс. до 30 тыс. человек.²⁰¹ Общее же количество войска, двинутого на Москву, равнялось 50 тыс. человек.²⁰² Характерной чертой подготовлявшегося похода, раскрывавшей его цель, являлось то, что во главе крымско-турецкого войска находился «царь казанской», т. е. Сагиб-Гирей. Назначение бывшего казанского царя, являвшегося к тому же вассалом-закладчиком турецкого султана, во главе крымско-турецкого войска можно рассматривать как демонстрацию того, что целью похода должно было быть восстановление в Казани Сагиб-Гирея, изгнанного оттуда в результате похода московского войска в 1524 г.

Широко задуманный план нападения на Русское государство был, однако, сорван новым взрывом феодальных усобиц в Крыму. Начавшийся уже поход на «украины» Русского государства, отвлекший из Крыма основную массу вооруженных сил, создал обстановку, благоприятствовавшую попыткам противников Сеадет-Гирея захватить власть. Виднейший из них, Ислам-Гирей, использовал благоприятный момент и, несмотря на вооруженную помощь Турции, приславшей на поддержку Сеадет-Гирея отряд янычар из Каффы в 1700 человек, разбил Сеадет-Гирея, уничтожил янычар и вновь провозгласил себя ханом Крыма.²⁰³ Борьба за власть между Сеадет-Гиреем и Ислам-Гиреем с переменным успехом продолжается вплоть до конца княжения Василия III.²⁰⁴ Мо-

²⁰⁰ Б. Дунаев. Указ. соч., прилож., стр. 76—77.

²⁰¹ В одном из донесений Василию III из Азова говорится, что султан послал в Крым для участия в походе на Русское государство «воеводу своего урсюмского — Магмет-бек Михал улуя, а с ним 15 000» (Б. Дунаев. Указ. соч., прилож., стр. 82). В другом же донесении сообщается, что султан дал крымскому хану «на пособие своих людей 30 000 пойти на великого князя украинны» (там же).

²⁰² «Выступил царь казанский из Крыма, а с ним 50 000, а итти было на великого князя украинны» (там же).

²⁰³ Там же, стр. 82. События эти относятся к июню — июлю 1525 г., так как донесение о них Василию III датировано 12 июля (там же).

²⁰⁴ Сеадет-Гирею удалось уже к концу 1525 г. вернуть власть и изгнать Ислам-Гирея из Крыма (А. Малиновский. Указ. соч., стр. 248). Следующие два года (1526 и 1527) характеризуются известным затишьем в борьбе за власть, в результате компромисса, достигнутого между Сеадет-Гиреем и Ислам-Гиреем, при активном

московское правительство великолепно учитывало все выгоды для Русского государства от этой борьбы, парализовавшей внешнеполитическую активность Крыма, причем тактика правительства Василия III заключалась в том, чтобы поддерживать Ислам-Гирея в его борьбе с Сеадет-Гиреем, не разрывая в то же время отношений и с последним.²⁰⁵ Вторая половина 20-х годов XVI в. и в истории русско-крымских отношений характеризуется известным ослаблением активной борьбы между Русским государством и Крымским ханством, хотя крымцы и пытаются время от времени совершать походы и набеги на «украины» Русского государства.²⁰⁶

В 1532 г. Сеадет-Гирей окончательно теряет власть в Крыму и уезжает в Турцию.²⁰⁷ В 1533 г., после очередной безуспешной попытки Ислам-Гирея провозгласить себя ханом, Сулейман I назначает крымским ханом Сагиб-Гирея,²⁰⁸ правление которого характеризуется резко враждебной политикой, проводимой им в отношении Русского государства.

Заключительным моментом в истории восточной политики Русского государства времени Василия III является новое активное вмешательство Русского государства в дела Казанского ханства в 1530—1532 гг., результатом чего явилось низложение Сафа-Гирея и провозглашение ханом касимовского царевича, Джан-Али (Еналей). В отличие от собы-

участия Турции (там же, стр. 249—250). Однако уже в 1528 г. Ислам-Гирей делает новую попытку выступить против Сеадет-Гирея, закончившуюся неудачей (там же, стр. 252—253). Новая усобица вспыхивает в 1531 г., причем на этот раз борьба развертывается между Сеадет-Гиреем и князьями Ширинями, которым в конечном счете удается добиться изгнания из Крыма в Турцию тогдашнего калги Сагиб-Гирея (там же, стр. 258—259).

²⁰⁵ Следы сношений московского правительства с Ислам-Гиреем сохранились в Переписной книге по делам посольского приказа (№ 1), где имеется следующая запись: «Книга в тетрациях не переплетена, с лета 7033-го по 7041-й год, при великом князе Василье Ивановиче, да при крымских Ислам-Гирее да Саидет-Гирее царех, как Саидет-Гирей царь согнал из Крыму Ислама царя. Отпуск от великого князя на Поле служивых его татар Мокши Кобякова с товарищи к Исламу царю с грамотою, а в грамоте князь великий писал, чтоб Ислам царь ехал к нему к Москве, и против великого князя грамот от Ислама царя приезд татарам его с грамотами к великому князю» (А. Малиновский. Указ. соч., стр. 247, прим.). Никоновская летопись сохранила известие о переговорах между Ислам-Гиреем и Василием III в 1531—1532 гг., в которых речь шла об установлении вассальных отношений Ислам-Гирея к Русскому государству: «Князь бы великий пожаловал учинил его себе сыном, а Ислам бы великого князя назвал себе отцом, и нечто какова невзгода будет, и великий бы государь пожаловал, дал в своей земли место, а он неотступен хочет быти от великого князя и до своего живота» (ПСРЛ, т. XIII, стр. 61). Хотя переговоры закончились дачей Ислам-Гиреем шерстной грамоты, но, повидимому, практического значения они не имели.

²⁰⁶ Наиболее крупным был поход на Русское государство Ислам-Гирея в сентябре 1527 г. (ПСРЛ, т. XIII, стр. 46; П. Милюков. Указ. соч., стр. 76—77; А. Малиновский. Указ. соч., стр. 250—251). Набег был отражен благодаря своевременно принятым мерам («князь великий прибавил воевод на берег». Др. разр. книга, стр. 76) и хорошо поставленной разведке, заблаговременно сообщившей о походе Ислама и о его маршруте (там же). В качестве репрессивной меры по отношению к Крыму правительство Василия III в ответ на набег Ислам-Гирея казнило находившихся в Москве крымских послов («А крымских послов, Чыбыка с товарищи, князь великий в те поры велел потопити». Н. Карамзин. Указ. соч., т. VII, прим. 300). В позднейших переговорах с Крымом московское правительство изображало казнь послов как самосуд, учиненный над ними москвичами (А. Малиновский. Указ. соч., стр. 251; ср. С. Соловьев. Указ. соч., кн. I, стб. 1640—1641). Набеги крымцев происходили также в 1531 г. (А. Малиновский. Указ. соч., стр. 256) и в 1533 г. (ПСРЛ, т. XIII, стр. 64; П. Милюков. Указ. соч., стр. 90). В последнем походе вместе с Ислам-Гиреем принимал участие и изгнанный из Казани Сафа-Гирей (П. Милюков. Указ. соч., стр. 90).

²⁰⁷ А. Малиновский. Указ. соч., стр. 262.

²⁰⁸ Там же, стр. 263—264.

тий 1519—1521 гг., главную роль в событиях 1530—1532 гг. играет не войско, а дипломатия, хотя правительство Василия III в качестве средства к достижению целей своей политики применяет и давление на Казань при помощи войска. Объяснения особенностям форм борьбы между Казанью и Русским государством в начале 30-х годов XVI в. следует искать во внутривосточной обстановке в Казанском ханстве, характеризующейся новым обострением борьбы за власть феодальных группировок и недовольством значительной части казанских феодалов правлением Сафа-Гирея. Такая обстановка давала возможность правительству Василия III опираться в проведении своей казанской политики на этом этапе на сильную группировку казанских феодалов, которая, в свою очередь, искала в своей борьбе за власть поддержки со стороны Русского государства.

Оживление в русско-казанских отношениях начинается с приезда в конце 1528 г. к Василию III казанских послов.²⁰⁹ Этому предшествовала посылка в Казань московского посла А. Ф. Пильмова (осенью 1527 г.). Целью приезда послов являлось ведение переговоров об урегулировании отношений между Русским государством и Казанью, бывших весьма напряженными. Послы «говорили и били челом великому князю о том: в которых делех царь перед великим князем неправ, и царь в тех делех во всех хочет перед великим князем исправиться и правду дати, и послов своих больших к великому князю посылает».²¹⁰ В результате переговоров последовала дача казанцами шертной грамоты и обмен большими послами. Однако Сафа-Гирей, повидимому, отказался принять условия соглашения, заключенного казанскими послами в Москве (и изложенного в шертной грамоте), «свою правду и клятву преступил» и учинил московскому послу «нечесть и срамоту велику».²¹¹ Результатом этого нового конфликта явилась посылка весной 1530 г. судовой и конной рати под Казань. Военные действия и на этот раз носили исключительно ожесточенный характер, причем Казанское ханство в войне 1530 г. имело союзников в лице ногайцев и астраханцев.²¹² Военные действия закончились новым соглашением московских воевод с казанцами на условиях признания казанцами своей «вины», а также принятия ими обязательства «от государя им неотступным быти и царя им на Казань ни отколе не имати, оприче государя, ково им пожалует князь велики даст».²¹³

²⁰⁹ ПСРЛ, т. XIII, стр. 46.

²¹⁰ Там же.

²¹¹ Там же.

²¹² Там же, стр. 47: «К ним же прииде на помощь из Ногай Мамай-мырзин сын болей, со многими людьми, да Яглыч-князь со многими людьми и Азтороканские люди». Сафа-Гирей был связан с Мамаем-мирзой и был женат на его дочери (ПСРЛ, т. XIII, стр. 57).

²¹³ Там же, стр. 47—48. Итоги войны 1530 г. современниками расценивались как неудачные. Действительно, основная цель похода 1530 г. — низложение Сафа-Гирея — не была достигнута, и пришлось согласиться на возобновление сношений с ханом. Источники объясняют такой исход войны плохим руководством военными действиями со стороны воевод. 2-я Софийская летопись сохранила известие о том, что в 1530 г. русское войско имело возможность захватить Казань, но этого не случилось в результате местнического спора воевод Бельского и Глинского, «кому ехать в город наперед». В результате не только не была взята Казань, но казанцам удалось захватить русскую артиллерию, подвезенную к стенам города (ПСРЛ, т. VI, стр. 265). Повидимому, именно потеря артиллерии и заставила русских воевод согласиться на переговоры о прекращении военных действий под Казанью. «Казанский летописец», воспроизводя историю о споре между воеводами под Казанью (с обычными преувеличениями), обвиняет «первого воеводу», т. е. князя И. Ф. Бельского, в прямой измене, как подкупленного казанцами (ПСРЛ, т. XIX, стр. 40). Соловьев отрицает достоверность показания «Казанского летописца» и кладет в основу своего

Дальнейшие переговоры об условиях восстановления мирных отношений между Казанским ханством и Русским государством, происходившие зимой 1531 г. в Москве, вновь, однако, были сорваны в результате непримиримой позиции Сафа-Гирея. Он отказался принять условия соглашения, заключенного его послами в Москве (в частности, вернуть попавших в плен русских и пищали, захваченные казанцами в 1530 г.), и выдвинул в качестве предварительного условия соглашения неприемлемые для московского правительства требования: освобождение взятых в плен казанцев, возврат захваченной русскими казанской артиллерии, отпуск в Казань задержанных в Москве казанских послов и гонцов и посылку Василием III в Казань большого посла.²¹⁴ Позиция, занятая казанским ханом в переговорах 1531 г., не является случайной. В ходе переговоров между Русским государством и Казанским ханством в 1528—1531 гг. отчетливо выявляются две тенденции: одна из них выражается в стремлении к заключению соглашения и урегулированию отношений с Русским государством; эта тенденция находит свое выражение в действиях ряда казанских посольств в Москве. Этой тенденции противостоит другая, прямо противоположная, заключающаяся в резко враждебной по отношению к Русскому государству политике; выразителем этой второй тенденции является сам казанский хан. Эта борьба двух тенденций в вопросе о взаимоотношениях Казанского ханства с Русским государством, как показывает дальнейший ход событий, была лишь проявлением и отражением в области внешнеполитических отношений борьбы за власть между казанскими феодальными группировками, из которых одна поддерживала Сафа-Гирея, а другая пыталась найти опору в своей борьбе в Русском государстве.

Демонстративный отказ Сафа-Гирея от соглашения с Русским государством имел своим результатом решение правительства Василия III окончательно разорвать с правительством Сафа-Гирея. С этого момента правительство Василия III от переговоров о соглашении с казанским ханом переходит к энергичной подготовке и организации государственного переворота, результатом которого должно было явиться устранение Сафа-Гирея и передача власти в руки ставленника Русского государства.²¹⁵

Объяснения неудачи со взятием Казани в 1530 г. известны 2-й Софийской летописи: «Местничество воевод могло быть причиною потери удобного времени, потеря наряда, как бы она ни произошла, могла быть достаточною причиною, почему воеводы приняли предложения казанцев» (История России, кн. I, стб. 1638, прим.). Большой интерес представляет другое сообщение «Казанского летописца» — о том, что Василий III «на воевод своих больших распался и разгневался», причем князя И. Ф. Бельского «едва упроси у смерти Данил митрополит да игумен Перфилий Сергиева монастыря... И заключен бысть в темнице» (ПСРЛ, т. XIX, стр. 41). Вопрос о возврате казанцами русской артиллерии и пленных, захваченных в 1530 г., являлся одним из предметов переговоров между Русским государством и Казанью в 1531 г.

²¹⁴ ПСРЛ, т. XIII, стр. 54.

²¹⁵ Так следует расценивать заявление, сделанное казанским послом от имени великого князя Ф. И. Карповым после того, как московскому правительству стала известна непримиримая позиция хана: «На чем есте нам добились челом и правду дали, что быти царю к нам во всем послушно и князем и всем людям казанским, и царь, и князи, и вся земля Казанская по Вашему челобитью правды не учинили» (ПСРЛ, т. XIII, стр. 54—55). В ответ на это заявление послы заявили: «Не что будет государю тот царь на Казани не надобеть; а отселе государева жалованья ждут: тому ли быти царю на Казани или иного государя царя пожалует, на Казань пошлет» (там же). После этого послам было уже прямо заявлено о нежелательности для московского правительства сохранения власти в Казани в руках Сафа-Гирея (там же).

В проведении этой своей новой линии по отношению к Сафа-Гирею правительство Василия III открыто опирается на недовольных Сафа-Гиреем казанских феодалов. К их числу надо прежде всего отнести самих казанских послов в Москве: князя Табая и др. После разрыва с Сафа-Гиреем правительство Василия III продолжает переговоры с казанскими послами, но теперь уже не как с уполномоченными казанского хана, а как с представителями враждебных Сафа-Гирею кругов, причем предметом этих переговоров с князем Табаем является вопрос о низложении Сафа-Гирея и о кандидатуре нового хана для Казани.²¹⁶

В прямо противоположном направлении развивались после разрыва Сафа-Гирея с Русским государством события в Казани, где «царь Сафа-Кирей Ивана Полева (московский посол.— И. С.) с товарищи хотел побити, а великому князю недругом ся учинити».²¹⁷ Однако соотношение сил в Казани сложилось не в пользу хана. Обстановка в Казани получила наиболее полную характеристику в заявлении казанских послов в Москве, сделанном ими Ф. И. Карпову и дьяку М. Путятину, ведшим переговоры от имени Василия III. Отмежевываясь от действий Сафа-Гирея, послы объясняли возможность такого рода поступков хана тем, что «в Казани добрых людей мало, все люди мелкие, ино земли крепити некому, люди все в розни; а в страховании в великом люди шатались, и наша мысль не имет».²¹⁸ Поясняя эту характеристику, послы раскрывают содержание своей формулы о «розни» и «шатании» в Казани, указывая, на кого опирается Сафа-Гирей: «Пристали к нему крымцы да нагаи да тутошние люди лихие; а земля с ним однолично не вместе».²¹⁹ Наиболее видными из сторонников Сафа-Гирея были князья Раст и Али Шокуров.²²⁰ Вместе с тем заявление послов содержало характеристику и другой политической группировки в Казани. Настаивая на своей правомочности выступать в качестве представителей Казанского ханства, независимо от Сафа-Гирея, князь Табай и его товарищи определяли свое положение как представителей определенных кругов казанских феодалов: «А в Казани у нас роды есть и братия и друзи».²²¹

Родовые феодальные связи, лежавшие в основе борющихся за власть группировок в Казани, давали действительно возможность лидерам этих группировок выступать в качестве представителей достаточно крупных политических величин и заставляли московское правительство считаться с главами феодальных родов и учитывать их позиции в политической борьбе. Помимо своих родов, послы указывали и еще одну группировку, заинтересованную в поддержке Русского государства. По словам послов, «которые люди казанцы задержаны в Новгороде в Нижнем, и которые люди попали в руки великого князя людем, у тех же людей отцы и братья у всех и роды и друзи в Казани; и только мы приедем в Василь-город и пошлем к ним грамоты, и те люди за нас станут».²²² Повидимому, однако, политический вес заявлений князя Табая, равно как и реальная сила тех группировок, поддержку которых политике Русского государства он гарантировал в своих заявлениях, признавались правительством Василия III недостаточными для успешного осуществления основной задачи московской

²¹⁶ ПСРЛ, т. XIII, стр. 55—56.

²¹⁷ Там же, стр. 56.

²¹⁸ Там же, стр. 55.

²¹⁹ Там же.

²²⁰ Там же, стр. 57.

²²¹ Там же, стр. 56.

²²² Там же.

политики в этот момент — низложения Сафа-Гирея. Поэтому после обсуждения заявления казанских послов в Боярской думе Василий III принимает решение о посылке в Казань специального посла для выяснения позиции виднейших из казанских феодалов — Качигалея-мурзы и князя Булата Ширина.²²³

Подготавливая почву для переворота в Казани и нащупывая те силы, на которые оно могло опереться в проведении своей политики, правительство Василия III вместе с тем предпринимало шаги и по линии обеспечения успеха для своего кандидата в казанские ханы. Этим кандидатом опять был Шах-Али. В переговорах с послами в Москве правительство Василия III добилось их согласия на кандидатуру Шах-Али.²²⁴ К осени 1531 г. дипломатическая подготовка переворота в Казани была завершена, и правительство Василия III приступает к проведению в жизнь разработанного им плана. В декабре 1531 г. казанские послы отпускаются в Нижний-Новгород; вместе с ними туда отправляется и Шах-Али.²²⁵ К этому времени в Нижнем-Новгороде сосредоточиваются и значительные военные силы, под начальством князя В. В. Шуйского, на случай если внутренних сил в Казани окажется для победы над Сафа-Гиреем недостаточно и понадобится вмешательство извне.²²⁶ В Казань же была послана, через голову хана, великокняжеская грамота к виднейшим представителям феодальной знати — «ко царевне и к князем и ко всей земли Казаньской» — с заявлением о том, что «их государь хочет жаловати и беречь, гнев свой царевне и князем и всей земли Казаньской отложил»,²²⁷ что можно было понять лишь как прямой призыв к открытому выступлению против Сафа-Гирея. Так это и случилось в действительности. После получения великокняжеской грамоты в Казани «уланы и князи и сенты и мурзы и всей земли Казанские люди» во главе с царевной Горшедной, Качигалеем-мурзой и князем Булатом «совокупишася» и произвели переворот, в результате которого Сафа-Гирей был из Казани «выслан» вместе с «царевыми советниками крымцами и ногаями», наиболее же ненавистные из «советников» хана, «которые царю думали на лихо», были побиты (в том числе и князь Раст и Али Шокуров).²²⁸

Переворот 1532 г. в корне изменил политическую обстановку в Казани, ликвидировав господство династии Гиреев, правившей в Казанском ханстве в течение одиннадцати лет, и привел к власти группировку, являющуюся сторонницей ориентации на Русское государство и искавшую соглашения с ним. Однако, добившись крупного успеха в своей восточной политике, правительство Василия III не смогло все же полностью осуществить свой план, так как кандидатура ставленника московского правительства в казанские ханы — Шах-Али — встретила

²²³ «...Князь велики о том посоветовал з бояры да велел послати в Казань Постника Головина ко царю да наказал х Качигалею-мурзе и к Булату князю: что их мысль?» (там же, стр. 56).

²²⁴ Там же, стр. 55—56.

²²⁵ Там же, стр. 56.

²²⁶ О цели посылки воевод в Нижний-Новгород сообщает Башмаковская разрядная книга: «Лета 7040 году послал князь великий Василей Иванович всеа Росии воевод своих по полком в Нижней Новгород, а в те поры Еналея царя сажали в Казани на царство... Да в Нижнем же Новгороде был царь Шахалей казанской...» (В. Вельяминов-Зернов. Указ. соч., т. I, стр. 254—255). В официальной разрядной книге имеется этот же разряд, но без указания цели посылки воевод (П. Миллюков. Указ. соч., стр. 86—87). Летописи вообще умалчивают о посылке воевод в Нижний-Новгород, но упоминают о нахождении князя В. В. Шуйского в Нижнем-Новгороде (ПСРЛ, т. XIII, стр. 56).

²²⁷ ПСРЛ, т. XIII, стр. 56.

²²⁸ Там же, стр. 57.

сопротивление со стороны руководящей группы казанских политиков, обратившихся к правительству Василия III с заявлением о нежелательности кандидатуры Шах-Али («мы царя Шигалея блюдемся») и выдвинувших вместо нее кандидатуру другого касимовского царевича, брата Шах-Али — Джан-Али.²²⁹ В условиях создавшейся обстановки правительство Василия III не решилось пойти на конфликт с казанской знатью из-за кандидатуры хана и согласилось на удовлетворение требования казанцев. В июне 1532 г. новый хан Джан-Али был посажен в Казани московскими послами, на условиях, аналогичных условиям посажения ханом Шах-Али в 1519 г., т. е. на положении вассала московского великого князя.²³⁰

²²⁹ ПСРЛ, т. XIII, стр. 57.

²³⁰ Там же.